

Дорога без возврата

Автор:

Анджей Сапковский

Дорога без возврата

Анджей Сапковский

Легендарные фантастические сериалы

Сборник малой прозы от Анджея Сапковского!

«Дорога без возврата», «Что-то кончается, что-то начинается» – маленькие шедевры, снова переносящие нас в мир Геральта и Цири, Лютика и Йеннифер.

А еще «Бестиарий» – описание всех диковинных и опасных тварей, с которыми Геральт встречался в своих странствиях, и других страшилищ, с которыми ему встретиться не довелось.

А еще остроумные «Музыканты» и «Золотой полдень», которые по-новому рассказывают знакомые с детства истории Алисы из Страны чудес и бременских музыкантов.

А еще «Вареник, или Нет золота в Серых Горах» – блестящее, полное сарказма послание собратьям по писательскому цеху, не в меру увлекающимся переносом западных фэнтезийных штампов на славянскую почву.

Анджей Сапковский

Дорога без возврата (сборник)

Andrzej Sapkowski

DROGA, Z KTOREJ SIE NIE WRACA

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов, Nowa Publishers (Польша) и Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Andrzej Sapkowski, 1988, 1990, 1992, 1993, 1994, 1995, 2001

© Перевод. Е. П. Вайсброт, наследники, 2015

© Перевод. Г. Г. Мурадян, Е. А. Барзова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Дорога без возврата[1 - Droga Bez Powrotu. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.]

1

Сидевшая на плече у Висенны птица что-то проскрипела, взмахнула пестрыми крылышками и, шумно взлетев, порхнула в заросли. Висенна придержала коня, прислушалась, потом осторожно двинулась вдоль лесной дорожки.

Мужчина сидел, привалившись спиной к столбу, вкопанному на развилке, и, казалось, спал. Однако, подъехав ближе, Висенна увидела, что глаза у него открыты. К тому же он был ранен. Сделанная наспех повязка на левом плече и предплечье пропиталась еще не успевшей почернеть кровью.

– Привет, парень, – проговорил раненый, выплевывая длинный стебелек. – Далеко ли путь держишь, позволь спросить?

Висенне не понравилось, что ее назвали «парнем», и она, откинув с головы капюшон, ответила:

– Спросить-то можно, да откуда вдруг такое любопытство?

– Простите, госпожа, – прищурился мужчина. – На вас мужская одежда. А что до любопытства, так оно оттуда, что развилок-то это не простой. Случилось тут со мной... любопытное приключение...

– Вижу, – прервала Висенна, глядя на полускрытое папоротниками, неестественно скрючившееся тело шагах в десяти от столба.

Мужчина проследил за ее взглядом. Потом их глаза встретились. Висенна, как бы откидывая волосы со лба, коснулась диадемы, прикрытой перевязкой из змеиной шкурки.

– Угу, – спокойно сказал раненый. – Покойник. Острые у вас глаза. Небось считаете меня разбойником, верно?

– Неверно, – сказала Висенна, не отнимая руки от диадемы.

– А... – вздохнул мужчина. – Ну да... Но...

– Твоя рана кровоточит.

– У большинства ран такое странное свойство – кровоточить, – усмехнулся раненый. У него были красивые зубы.

– Если перебинтовать одной рукой, кровоточить будет долго.

– Неужто хотите облагодетельствовать меня своей помощью?

Висенна спрыгнула с коня, прочертив каблуком мягкую землю.

– Меня зовут Висенна, – сказала она. – Я не привыкла благодетельствовать. Кроме того, не терплю, когда ко мне обращаются во множественном числе. Встать можешь?

– Могу. А надо?

– Нет.

– Висенна, – сказал мужчина, слегка приподнявшись, чтобы позволить ей развернуть повязку. – Красивое имя. Тебе кто-нибудь уже говорил, Висенна, что у тебя прекрасные волосы? Такой цвет называется медным, верно?

– Нет. Рыжим.

– Ага. Когда закончишь, подарю букет люпинов, вон тех, что растут во рву. А пока перевязываешь, расскажу, чтобы убить время, что со мной приключилось. Я, видишь ли, пришел той же дорогой, что и ты. Гляжу – на развилке столб. Вот этот самый. На столбе доска. Эй, больно.

– У большинства ран такое странное свойство – болеть. – Висенна оторвала последний слой полотна, даже не стараясь делать это мягко.

– Верно, забыл. О чем это я... Ах да. Подхожу, смотрю – на доске надпись. Каракули какие-то. Я когда-то знал лучника, который ухитрялся, прости, написать на снегу буковки покрасивше. Читаю... А это что такое, мазель? Что за камушек? А, черт побери... Такого мне видеть не доводилось.

Висенна медленно провела вдоль раны гематитом. Кровотечение тут же прекратилось. Прикрыв глаза, она схватила плечо мужчины обеими руками, крепко прижала края раны. Отняла руки – ткань срослась, осталось утолщение и пурпурная полоска.

Мужчина молчал, внимательно глядя на нее. Потом осторожно помассировал плечо, потер шрам, покрутил головой. Натянул окровавленный кусок рубашки и куртку, встал, поднял с земли меч на поясе, скрепленном застежкой в виде драконьей головы, кошель и фляжку.

– Да, повезло, что называется, – сказал он, не сводя с Висенны глаз. – Целительница в самой гуще леса, на слиянии Ины и Яруги, где скорее встретишь вурдалака или, что того хуже, пьяного в дымину лесоруба. Как насчет платы за лечение? У меня, понимаешь, временные трудности с наличными. Букета из люпинов хватит?

Висенна пропустила замечание мимо ушей. Подошла ближе к столбу, подняла голову – доска была прибита на высоте глаз мужчины.

– «Ты, который пришел с запада, – прочла она громко. – Налево пойдешь – вернешься. Направо пойдешь – вернешься. Прямо пойдешь – не вернешься». Глупости какие-то.

– То же самое подумал и я, – согласился мужчина, отряхивая с колен хвою. – Я знаю эти места. Прямо, то есть на восток, – дорога к перевалу Клатат, на купеческий тракт. И почему бы оттуда нельзя вернуться? Такие, что ль, шикарные девочки, только и ждущие, чтобы мужа заарканить? Или самогон дешевый? А может, освободилось место ипата?

– Отклоняешься от темы, Корин.

Мужчина раскрыл рот:

– Откуда ты знаешь, что меня зовут Корин?

– Сам только что сказал. Продолжай.

– Да? – Мужчина подозрительно глянул на нее. – Серьезно? Ну, возможно... Так на чем я остановился? Ага. Читаю, стало быть, и удивляюсь, какой баран придумал такую надпись. Вдруг слышу, кто-то бормочет и ворчит у меня за спиной. Оглядываюсь – бабулька, седенькая, горбатенькая. Ясное дело – с клюкой, а как же. Я ее этак вежливенько спрашиваю, что, мол, с ней? Она бормочет: «Отошшала я, лыцарь благородный, с зари росинки маковой на зубок не брала». Проверяю, и верно, у бабки только один зубок остался. Растрогался я жуть как, ну, вынимаю из кошелья хлеба краюшку, половинку вяленого леща, которого получил у рыбаков на Яруге, и даю, значит, старушенции. Она садится, мусолит рыбку, побряхтывает, косточки выплевывает. А я продолжаю рассматривать этот чудной дорожный указатель.

Вдруг бабка и говорит: «Добрый ты, лыцареныш, пособил мне, награда тебя не минует». Хотел я ей сказать, куда она может засунуть свою награду, а бабка снова: «Подойди, сынок, я тебе кой-чего на ушко шепну, важную тайну открою, как многих добрых людей от несчастья упасти, славы добиться и богатство обрести».

Висенна вздохнула, присела рядом с раненым. Нравился он ей, высокий, светловолосый, с продолговатым лицом и выдающимся вперед подбородком. Не несло от него, как обычно от мужиков, с которыми она встречалась. Она тут же отогнала назойливую мысль о том, что уж слишком долго мотается в одиночку по лесам да трактам. Мужчина продолжал:

– Ну, думаю, классический случай. Если у бабки нет склероза, а все шарики-бобики на местах, то, может, и будет с того прок для бедного солдата. Наклоняюсь, подставляю ухо, словно дурак какой. И если б не моя реакция, получил бы прямо в кадык. Я отскочил, кровь бьет из плеча, как из дворцового фонтана, а бабка лезет с ножом, воет, слюной брызжет. Я все еще не соображал, что дело-то серьезное. Пошел на нее вплотную, чтобы лишить преимущества, и тут чую, никакая это не старуха. Грудь твердые как кремь...

Корин глянул на Висенну, чтобы проверить, не покраснела ли она. Висенна слушала с выражением вежливой заинтересованности на лице.

– Да... Ну, думаю, повалю ее, нож отниму, да куда там! Она сильная, как рысь. Чую, не удержать мне ее руки с ножом. Что делать? Оттолкнул я ее, хват меч... она напоролась сама.

Висенна сидела молча, положив руку на лоб, и задумчиво потирала змеиную перевязку.

– Слушай, Висенна! Я говорю как было. Знаю, что женщина, и чую себя неловко, но провалиться мне, если это была нормальная женщина. Как только она упала, тут же изменилась. Помолодела.

– Иллюзия.

– Что-что?

– Ничего. – Висенна встала, подошла к труп, лежащему в папоротниках.

– Только погляди. – Корин встал рядом. – Баба – что твой статуи в дворцовом фонтане. А была сгорбленная и сморщенная, ровно зад столетней коровы. Чтоб меня...

– Корин, – прервала Висенна. – У тебя нервы крепкие?

– Э? А при чем тут нервы? Ну, вполне, если тебя это интересует. Не жалуюсь.

Висенна сняла перевязку со лба. Драгоценный камень в диадеме полыхнул молочно-белым пламенем. Висенна встала над трупом, протянула руку, закрыла глаза, прошептала что-то непонятное. Потом резко крикнула:

– Grealghane!

Папоротники зашевелились. Корин отскочил, выхватил меч и замер в оборонительной позиции. Труп задрожал.

– Grealghane! Говори!

– Ааааааа! – вырвался из папоротников нарастающий хриплый рев.

Труп выгнулся дугой, чуть ли не взлетел, касаясь земли пятками и макушкой. Рев утих, стал прерывистым, перешел в горловое бормотанье, стоны и вопли, постепенно набиравшие силу, но совершенно непонятные. Корин почувствовал, как по спине потекла холодная струйка пота, щекощущая, словно ползущая гусеница. Сжав кулаки, чтобы сдержать дрожь в предплечьях, он всей силой воли боролся с непреодолимым желанием сбежать в глубь леса.

– Огг... ннн... ннгррр... – пробормотал труп, раздирая землю ногтями и пуская кровавые пузыри, лопающиеся на губах. – Нарррр... еееггг...

– Говори!

Из протянутых рук Висенны сочился мутноватый поток света, в котором кружилась и клубилась пыль. Из папоротников взметнулись сухие листики

и травинки. Труп захлебнулся, захлюпал и вдруг заговорил, совершенно четко:

– ...развилке, в шести верстах от Ключа к югу... Не больше... По... Посылал. Кругу. Парня. Веее... ггг... лел. Велел.

– Кто? – крикнула Висенна. – Кто велел? Говори!

– Пфф... ррр... генал. Все записи, письма, амулеты. Коль... ца...

– Говори!

– ...еревале. Костец. Фре... наль. Забрать письма. Перг... гаменты. Он придет с мааааа! Ээээээ! Ннныыыы!!!

Голос задрожал, бормотание утонуло в диком вое. Корин не выдержал, бросил меч, зажмурился и, зажав уши руками, стоял так, пока не почувствовал прикосновение к плечу. Вздрыгнул всем телом.

– Конец, – сказала Висенна, отирая пот со лба. – Я тебя спрашивала, как у тебя с нервами.

– Ну и денек! – с трудом проговорил Корин. Поднял с земли меч, сунул в ножны, стараясь не глядеть на уже неподвижное тело. – Висенна?

– Слушаю.

– Пошли отсюда. Подальше от этого места.

2

Они ехали вдвоем на коне Висенны по просеке, заросшей и изрытой выбоинами и колдобинами. Девушка впереди, в седле, Корин, без седла, сзади, обхватив ее за талию. Висенна уже давно привыкла не смущаясь принимать выпадавшие ей время от времени мелкие радости, даримые судьбой, поэтому с удовольствием упиралась спиной в грудь мужчины. Оба молчали.

– Висенна, – почти через час первым решился Корин.

– Слушаю.

– Ты не только целительница. Ты из Круга?

– Да.

– Судя по тому... представлению – магистр?

– Да.

Корин отпустил ее талию и ухватился за заднюю луку седла. Висенна гневно прищурилась. Конечно, он этого видеть не мог.

– Висенна.

– Слушаю.

– Ты что-нибудь поняла из того, что она... оно... говорило?

– Немного.

Снова помолчали. Пестрокрылая птица, порхающая над ними в кронах, громко застрекотала.

– Висенна?

– Корин, будь любезен...

– А?

– Перестань болтать. Мне надо подумать.

Просека вела прямо вниз, в долину, в русло неглубокого ручья, лениво бегущего среди камней и черных стволов в пронизывающем все запахе мяты и крапивы. Конь скользил по камням, покрытым слоем ила и глины. Корин, чтобы не упасть, снова ухватился за талию Висенны, отгоняя при этом назойливую мысль о том, что слишком уж долго он мотается в одиночку по лесам и трактам.

3

Селение было типичной деревней об одной улице, тянувшейся по склону горы вдоль тракта, – соломенной, деревянной и грязной, присевшей за кривыми заборчиками. Когда они подъехали, собаки подняли лаеж. Конь Висенны спокойно шел по середине улицы-дороги, не обращая внимания на выходивших из себя дворняг, вытягивающих истекающие пеной морды к его ногам.

Сначала не было видно никого. Потом из-за заборов, с тропинок, ведущих на гумна, появились обитатели – босые и угрюмые, вооруженные вилами, жердями и цепями. Кто-то наклонился, поднял камень.

Висенна придержала коня. Подняла руку – Корин увидел маленький золотой серповидный ножичек.

– Я – целительница, – проговорила девушка четко и звучно, хоть совсем негромко.

Кметы опустили оружие, зашептались, переглянулись. Их становилось все больше. Несколько ближайших стянули шапки.

– Как называется ваше село?

– Ключ, – долетело из толпы после минутной тишины.

– Кто над вами старший?

– Топин, милсдарыня. Вон та хата.

Прежде чем они двинулись, через строй кметов пробилась женщина с грудничком на руке.

– Госпожа... – робко прошептала она, прикасаясь к ноге Висенны. – Дочка... Вся прям-таки пылает...

Висенна соскочила с седла, коснулась головки ребенка, прикрыла глаза.

– Завтра выздоровеет. Не укутывай так тепло.

– Благодарствую, милостивая государыня... Стократ...

Топин, солтыс, был уже на дворе и в этот момент размышлял, что делать с вилами, которые держал наготове. Наконец сбросил ими со ступеней куриный помет.

– Прощения просим, – сказал он, отставляя вилы к стене хаты. – Госпожа и вы, уважаемый. Время такое неверное... Прошу входить. Приглашаю перекусить.

Вошли.

Солтысиха, таская за собой двух вцепившихся в юбку белокурых девчушек, подала яичницу, хлеб, простоквашу и скрылась в другой комнате. Висенна в отличие от Корины ела мало, сидела задумчивая и тихая. Топин вращал глазами, то и дело чесался и не переставая болтал:

– Время, грю, неверное. Неверное, грю. Беда нам, уважаемые. Мы овец на шерсть разводим, на продажу, сталбыть, шерсть-то, а ныне купцов нету, приходится изводить стада, рунных овец бьем, чтоб было чего в горшок бросить. Ране-то купцы за ясписом да по камень зеленый ходили в Амелль за перевал, тама, значит, копи лежат. Тама яспис-то добывали. А как шли купцы-то, значить, и шерсть брали, платили, разное добро оставляли. Нету, грю, ноне купцов. Дажить соли нету, что приколем, в три дни съесть надеть, чтоб не попортилося.

– Обходят вас караваны? Почему? – Висенна то и дело задумчиво трогала перевязку на лбу.

– Ага, обходят, – буркнул Топин. – Закрыта дорога на Амелль-то, на перевале уселся проклятуший костец, живой души не пропустит. Ну, дык как же туды купцам-то идтить? На смерть?

Корин замер с ложкой в воздухе.

– Костец? Что за штука – костец?

– А я знаю? Говорят, костец, людоедец. На перевале, грю, вроде бы сидит.

– И не пропускает караваны?

Топин посмотрел на стены.

– Токмо некоторые. Говорят, своих. Своих, мол, пропускает.

Висенна наморщила лоб:

– То есть как – своих?

– Ну, своих, значить, – проворчал Топин и побледнел. – Людишкам из Амелли ишшо хуже, чем нам. Нас-то хоша лес малость кормит. А тамошние на голом камне сидят и токмо то и имеют, что им костецы за яспис продают. По-разбойничьи за каждо добро платить велят, а чего им, из Амелли-то, делать? Яспис жрать не станешь?

– Что за «костецы»? Люди?

– И люди, и враны, и еще кой-то. Разбойники это, госпожа. Они в Амелль возют то, что у нас забирают. По селам, бывалотко, грабили, девок портили, а кто противится, убивали, разоряли людишек. Разбойники. Одно слово – костецы.

– Сколько их? – спросил Корин.

– Кто считал, милсдарь? Села-то мы охраняем, кучкой держимся. А толку? Ночью налетят, подожгут. Уж лучше дать, чего хочут. Потому как говорят...

Топин побледнел еще больше, задрожал всем телом.

– Что говорят, Топин?

– Говорят, мол, костец, ежели его разозлить, слезет с перевалу-то и пойдет на нас, в долины.

Висенна резко поднялась. Лицо у нее изменилось. Корина проняла дрожь.

– Топин, – сказала чародейка. – Где тут ближайшая кузница? Конь мой подкову на тракте потерял.

– Дале за селом, под лесом. Тамотка и кузня есть, и конюшня.

– Хорошо. А теперь иди поспрашивай, где кто больной или раненый.

– Благодарности вам, добродейка, благодарности.

– Висенна, – проговорил Корин, как только за Топином закрылась дверь. – У твоего коня все подковы в порядке.

Друидка повернулась, молча глянула на него.

– Яспис – это, конечно, яшма, а зеленый камень – жадеит, которым славятся амелльские копи, – продолжил Корин. – Но в Амелль можно попасть только через Камлат, перевал. Дорогой, с которой нет возврата. Что там болтала покойница на развилке? Почему хотела меня уколошить?

Висенна не ответила.

– Молчишь? Не беда. И так все потихонечку проясняется. Бабулечка с развилки ждала кого-то, кто остановится перед дурной надписью, запрещающей дальнейший путь на восток. Это было первое испытание – умеет ли путник читать. Потом бабка еще раз удостоверилась – ну, кто же, как не добрый самаритянин из друидского Круга, поможет в наши времена голодной старушке? Любой другой, даю голову на отсечение, еще и посошок отнимет. Хитрющая бабенция продолжает «проверку», начинает болтать о несчастных людях,

нуждающихся в помощи. Путник, вместо того чтобы попотчевать ее пинком и непотребным словом, как сделал бы обычный, серый житель здешних мест, напряженно слушает. Да, думает бабка, это он. Друид, который намерен расправиться с бандой, терроризирующей округу. А поскольку она, несомненно, послана этой самой бандой, то хватается за нож. Ха! Висенна! Ну не умен ли я?

Висенна не ответила. Она стояла, повернув голову к окну. Видела – полупрозрачные пленки из рыбьих пузырей не были для нее помехой – пестрокрылую птицу, сидящую на вишневом кусте.

– Висенна?

– Слушаю, Корин.

– Что такое «костец»?

– Корин, – глянув на него, резко сказала Висенна, – зачем ты лезешь не в свои дела?

– Послушай. – Корин несколько не обиделся. – Я уже и так влез в твои, как ты говоришь, дела. Так уж получилось, что меня хотели зарезать вместо тебя.

– Случайно.

– Я думал, чародеи верят не в случайности, а только в магическое притяжение, сочетание событий, стечение обстоятельств и всякое такое прочее. Погляди, Висенна, что творится: мы едем на одном коне. Давай, смеха ради, продолжим это. Предлагаю тебе помощь в том деле, о цели которого догадываюсь. Отказ буду считать признаком зазнайства. Мне говорили, что вы, в Круге, сильно недооцениваете простых смертных.

– Вранье.

– Все чудесно складывается. – Корин ухмыльнулся. – Посему не будем терять времени. Едем в кузню.

Микула крепче ухватил прут клещами и пошебуршил им в углях.

– Дуй, Чоп! – приказал он.

Подмастерье повис на рычаге мехов. Его пухлая физиономия блестела от пота. Хоть двери и были широко распахнуты, в кузнице стояла невыносимая жара. Микула перенес прут на наковальню, несколькими сильными ударами молота расплющил конец.

Колесник Радим, сидевший на неошкуренном стволе березы, тоже потел. Расстегнул сермягу и вытащил из штанов рубаху.

– Хорошо вам говорить, Микула, – сказал он. – Для вас драка в новость. Каждый знает, что вы не всю жизнь в кузне ковали. Говорят, ране-то лбы плющили, не железо.

– Стало быть, радоваться должны, что у вас такой в селе есть, – бросил кузнец. – Повторяю: не стану я больше им в пояс кланяться. И вкалывать на них. Не пойдете со мной – пойду один, либо с такими, у которых кровь, а не бурда домашняя в жилах течет. В лесу затаимся, станем их по одному брать – кого поймаем? Ну, сколько их там? Тридцать? А может, и того нет. А сел по нашей стороне перевала сколько? Наддай, Чоп!

– Я уж и так наддаю!

– Сильней!

Молот звенел по наковальне, – ритмично, чуть ли не мелодично. Чоп жал на рычаг. Радим высморкался в пальцы, вытер руку о голенище.

– Хорошо вам говорить, – снова начал он. – А из Ключа-то сколько пойдет?

Кузнец опустил молот. Помолчал.

– То-то и оно, – сказал колесник. – Никто не пойдет.

– Ключ – село малое. Вы хотели порасспрашивать в Пороге и Качане.

– Спрашивал. Я ж вам говорил, как там, мол, что нам враны да оборотцы, этих мы на вилы взраз подыдем, а ежели кость на нас двинет? В лес бежать? А избы, а имущество? На плечи не подынешь. А супротив костьца – не наша сила. Сами знаете.

– Откуда мне знать? Видал его кто?! – крикнул кузнец. – Может, вовсе и нет никакого костьца? Только страху в задницу хотят вогнать нам, кметам. Видал его кто?

– Не болтай, Микула. – Радим наклонил голову. – Сами знаете, с купцами в охране не слабаки какие ходят, а железом увешанные, те еще резники. А вернулся кто с перевала-то? Ни один! Нет, Микула. Надо ждать, говорю вам. Даст комес из Майены помочь, тогда другое дело.

Микула отложил молот, снова сунул прут в угли. Угрюмо сказал:

– Не придет войско из Майены. Снова они подрались меж собой. Майена с Разваном.

– За что?

– А разве поймешь, чего ради благородные друг другу морды бьют? По-моему, со скуки, дерьмо прелое! – взорвался кузнец. – Вы видали когда комеса? За что мы ему, гадюке, подати платим?

Он вырвал прут из жара, так что аж искры посыпались, крутанул в воздухе. Чоп отскочил. Микула схватил молот, саданул раз, другой, третий.

– Когда комес парня моего прогнал, я его в Круг тамошний послал, помощи просить. К друидам.

– К чародеям? – недоверчиво спросил колесник.

– К ним. Но парень еще не вернулся.

Радим покрутил головой, встал, подтянул штаны.

– Не знаю, Микула, не знаю. Не моего это ума. Но все равно одно на одно выходит. Делать надобно. Как кончите, тут же поеду. Пора мне...

Перед кузницей на дворе заржала лошадь.

Кузнец замер, подняв молот над наковальней. Колесник лязгнул зубами, побледнел. Микула почувствовал, что и у него дрожат руки, невольно вытер их о кожаный фартук. Не помогло. Он сглотнул и двинулся к выходу, в котором четко вырисовывались силуэты конных. Радим и Чоп последовали за ним, совсем рядышком, чуть сзади. Выходя, кузнец прислонил прут к столбу у дверей.

Он видел шестерых, все на конях, в стеганках, усеянных металлическими пластинами, в кольчугах, кожаных шлемах со стальными наносниками, выходящими прямыми линиями металла между огромными рубиновыми глазами, занимающими половину лица. Они сидели на конях неподвижно, как-то небрежно. Микула, перебегая взглядом от одного к другому, видел их оружие – короткие копья с широкими остриями. Мечи со странно выкованными гардами. Бердыши. Зазубренные гизармы.

Напротив входа в кузницу стояли двое. Высокий вран на сивом коне, под зеленой попоной со знаком солнца на шлеме. И второй...

– Мамочки, – шепнул Чоп за спиной у кузнеца и всхлипнул.

Второй конник был человеком в темно-зеленом вранском плаще, но из-под клювообразного шлема на них смотрели бледные, голубые – не красные – глаза. В этих глазах таилось столько беспощадной, холодной жестокости, что Микулу пронял жуткий страх, ледяным холодом проникающий во внутренности, вызывающий тошноту, стекающий по спине к ягодицам. По-прежнему стояла тишина. Кузнец слышал, как звенят мухи, кружащие над навозной кучей за забором.

Человек в шлеме с клювом заговорил первым:

– Кто из вас кузнец?

Вопрос не имел смысла, кожаный фартук и внешность Микулы выдавали его с головой. Кузнец молчал. Уловил глазами короткий жест, который бледноглазый сделал одному из вранов. Вран наклонился в седле и наотмашь махнул гизармой, которую держал посередине древка. Микула сжался, невольно вбирая голову в плечи. Однако удар был предназначен не ему. Оружие угодило Чопу в шею и врезалось укосом, глубоко, рассадив ключицу и позвонки. Паренек рухнул спиной на стену кузницы, наткнулся на столб у двери и свалился на землю у самого порога.

– Я спросил, – напомнил человек в клювообразном шлеме, не спуская с Микулы глаз. Рукой в перчатке он касался топора, висящего при седле. Два врана, стоявшие дальше остальных, высекли огонь, запалили смолистые лучины, начали раздавать их остальным. Спокойно, не спеша, шагом объезжали кузницу, тыкали факелами в соломенную кровлю.

Радим не выдержал. Прикрыл лицо руками, зашелся криком и кинулся вперед, между конями. Когда поравнялся с высоким враном, тот с размаху всадил ему копье в живот. Колесник взвыл, упал, дважды поджал и распрямил ноги. И замер.

– Ну так что, Микула, или как тебя, – сказал белоглазый. – Ты остался один. И зачем тебе было нужно? Людей будоражить, за помощью куда-то посылать? Ты думал, мы не узнаем? Дурень. В деревнях есть и такие, которые доносят, лишь бы понравиться.

Кровля кузнецы трещала, стреляла грязным желтым дымом, наконец вспыхнула, рыкнула пламенем, сыпанула искрами, пахнула мощным дыханием жара.

– Твоего лакея мы взяли, он тут же сказал, куда ты его посылал. Того, что должен вернуться из Майены, мы тоже ждем, – продолжал человек в клювастом шлеме. – Да, Микула. Ты сунул свой паршивый нос куда не следовало. За это у тебя сейчас будут небольшие неприятности. Я думаю, тебя стоило бы насадить на кол. Как считаешь, тут поблизости найдется подходящий колышек? Или нет, еще лучше – мы подвесим тебя за ноги на воротах хлева и сдерем шкуру, как с угря.

– Ладно, довольно болтать, – сказал высокий вран с солнцем на шлеме и бросил факел в раскрытые двери кузницы. – Сейчас сюда сбежится вся деревня. Кончай

с ним по-быстрому, забираем лошадей из конюшни и уходим. И откуда только в вас, людях, такая страсть к истязаниям, мучительству? Вдобавок – ненужному? Давай кончай с ним.

Бледноглазый не взглянул на врана. Наклонился в седле, напер конем на кузнеца.

– Влезай. – В его бледных глазах теплилась радость убийцы. – Внутри. Некогда мне очень-то чикаться с тобой. Так хоть поджарить могу.

Микула отступил на шаг. Чувствовал спиной жар пылающей кузницы, гул падающих потолочных балок. Еще один шаг. Он споткнулся о тело Чопа и о железный прут, который парень свалил, падая.

Прут!

Микула наклонился, мгновенно схватил тяжелую железяку и, не выпрямляясь, снизу, изо всей силы, которую высвободила в нем ненависть, двинул прут прямо в грудь бледноглазому. Расплющенное в виде долота острие пробило кольчугу.

Кузнец не стал ждать, пока человек свалится. Кинулся наискосок через двор. Позади – крик, топот. Он подбежал к деревянному сараю, вцепился пальцами в ручицу, прислоненную к стене, тут же, не глядя, с полуоборота ударил. Удар пришелся по морде сивой лошади в зеленой попоне. Животное поднялось на дыбы, скинуло в пыль врана с солнцем на шлеме. Микула уклонился, короткое копье врезалось в стену сарая, закачалось. Второй вран, выхватывая меч, натянул поводья, чтобы избежать свистящего конца ручицы. Трое следующих наступали, вереща и размахивая оружием. Микула крякнул, закружил тяжелой ручицей мельницу. Опять угодил в коня. Конь заржал и заплясал на задних ногах. Вран не удержался в седле.

Через забор, со стороны леса, вытянувшись в прыжке, перелетел конь, столкнулся с сивым в зеленой попоне. Сивый шарахнулся в сторону, рванул узду, перевернул высокого врана, пытавшегося вскочить на него. Микула, не веря собственным глазам, увидел, что новый ездок раздваивается – на уродца в капюшоне, склонившегося к конской шее, и на сидящего сзади светловолосого мужчину с мечом.

Длинный острый клинок описал два полукруга, две молнии. Двух вранов смело с седел, они рухнули на землю, подняв тучи пыли. Третий, которого загнали к самому сараю, повернулся к странной паре и получил тычок под челюсть, над стальным нагрудником. Острие меча блеснуло, на мгновение выглянув с тыльной стороны шеи. Светловолосый соскользнул с коня и пробежал двор, оттесняя высокого врана от его коня. Вран вытащил меч.

Пятый вран кружил посредине двора, пытаясь сдержать пляшущего коня, косящегося на пылающую кузницу. Подняв бердыш, всадник оглядывался, колебался, наконец рывкнул, ударил коня шпорами и кинулся на уродца, вцепившегося в конскую гриву. Микула увидел, как малыш откидывает капюшон, срывает со лба перевязку, и понял свою ошибку. Девушка тряхнула рыжей гривой и крикнула что-то непонятное, протянув руку в сторону нападающего врана. Из ее пальцев вырвалась тонкая, блестящая как ртуть струйка света. Вран вылетел из седла, перевернулся в воздухе и повалился на песок. Его одежда дымилась. Конь, колотя по земле всеми четырьмя копытами, ржал, тряс головой.

Высокий вран с солнцем на шлеме, сгорбившись, медленно пятился от светловолосого к горячей кузнице, протянув обе руки – в правой меч – вперед.

Светловолосый подскочил, они сошлись раз, другой. Меч врана полетел в сторону, а сам он головой вперед повис на пронзившем его клинке. Светловолосый отступил, дернул, вырвал меч. Вран упал на колени, наклонился, зарылся лицом в землю.

Наездник, выбитый из седла молнией рыжеволосой девушки, поднялся на четвереньки, шаря вокруг в поисках оружия. Микула немного пришел в себя от изумления, сделал два шага, поднял ручицу и опустил ее на шею врага. Хрустнула кость.

– Напрасно, – услышал он рядом.

Девушка в мужской одежде была веснушчата и зеленоглаза. На ее лбу блестело странное украшение.

– Напрасно, – повторила она.

– Госпожа, – заикаясь, выговорил кузнец, держа свою палицу, как гвардеец алебарду. – Кузница... Спалили. Парня убили, зарезали. И Радима. Зарезали, бандиты. Госпожа...

Светловолосый перевернул ногой тело высокого врана, взглянул на него, потом подошел к Микуле, убирая меч.

– Ну, Висенна, – сказал он. – Теперь-то уж я влип не на шутку. Одно только меня беспокоит, тех ли мы порубили, кого надо.

– Ты – кузнец Микула? – спросила Висенна, поднимая голову.

– Я. А вы – из друидского Круга, милостивые государи? Из Майены?

Висенна не ответила. Она глядела на опушку леса, на бегущих к ним людей.

– Это свои, – сказал кузнец. – Из Ключа.

5

– Я уложил троих, – гремел чернобородый командир группы из Порога, потрясая насаженной торчком косой. – Троих, Микула! За девками на поля приперлись, там мы их и... Один едва ушел, коня поймал, сукин сын!

Ополченцы, столпившиеся на поляне в кругу костров, кропящих чернь ночного неба точечками искр, шумели, гудели, размахивали оружием. Микула поднял руку, призывая к тишине, чтобы выслушать очередные сообщения.

– Вчерась к нам прискакали четверо, – сказал старый, худой как жердь солтыс Качана. – За мной. Ктой-то, видать, донес, что я с вами сговорился. Успел я забраться на чердак в овине, лестницу стащил, схватил вилы, идите, кричу, курвины дети, ну, кто первый, кричу. Принялись они овин палить, уж конец бы мне пришел, да людишки не сдержались, пошли на них купой. Те – на коней и в драку. наших двое полегло, но одного ихнего я с седла смел.

– Он жив? – спросил Микула. – Я посылал к вам, чтобы кого-нибудь живьем взять.

– Э, – махнул рукой тощий. – Не успели. Бабы схватили кипятку, подлетели первыми...

– Я всегда говорил, что в Качане горячие бабы, – буркнул кузнец, скребя затылок. – А того, который доносил?

– Нашел, – кратко ответил тощий, не вдаваясь в подробности.

– Лады. А теперь слушайте, люди. Где они сидят, мы уже знаем. Под горой, в пещерах неподалеку от чабанных шалашей. Там разбойники засели, и там мы их достанем. Сена, хвороста возьмем на возы, выкурим их как барсуков. Дорогу стволами завалим, не уйдут. Так мы с тем вона рыцарем, коего Корином кличут, обмозговали. Да и мне, сами знаете, драться не впервой. С воеводой Грозимом на вранов хаживал в часе войны, прежде чем в Ключе осесть.

Из толпы снова донеслись воинственные выкрики, но быстро утихли, заглушенные словами, сначала произнесенными тихо, неуверенно. Потом все громче. Наконец опустилась тишина.

Из-за спины Микулы выдвинулась Висенна, встала рядом с кузнецом. Она не доставала ему даже до плеча. Толпа зашумела. Микула снова поднял руки.

– Такой час пришел, – воскликнул он, – незачем дальше в тайне держать, что послал я за подмогой к друидам из Круга, когда комес из Майены отказал нам в помощи. Не в новость мне, что многие из вас криво на это смотрят.

Толпа понемногу утихла, но все еще ворчала, волновалась.

– Это мазель Висенна, – медленно произнес Микула, – из майенского Круга. На помощь к нам поспешила по первому зову. Те, что из Ключа, ее уже знают, она там людей лечила, исцеляла силой своею. Да, парни, госпожа сама-то из себя маленькая, но сила у нее могучая. Не для нашего понятия сила эта, и страшная нам, но ведь на помощь нам послужит!

Висенна не произнесла ни слова, не сделала ни одного жеста в сторону собравшихся, но скрытая мощь этой маленькой веснушчатой чародейки была

невероятна. Корин с изумлением почувствовал, что его переполняет удивительный энтузиазм, что страх перед тем неведомым, которое скрывается на перевале, опасение перед неизвестным исчезает, рассеивается, перестает существовать, становится несущественным, и так будет до тех пор, пока блестит светящийся камень на лбу у Висенны.

– Как видите, – продолжал Микула, – и против этого костеца найдется способ. Не одни пойдем, не безоружные. Но для начала нам тех разбойников надобно выбить!

– Микула прав! – крикнул бородач из Порога. – Что нам чары не чары! На перевал, парни! Прикончим костеца!

Толпа рывкнула в один голос, огни костров заиграли пламенем на остриях поднятых кос, пик, секир и вил.

Корин пробился сквозь толпу, отступил к опушке, отыскал котелок, подвешенный над костерком, миску и ложку. Выскреб со дна котелка остатки подгоревшей каши со шкварками. Сел, поставил миску на колени, ел медленно, выплевывая шкурки ячменя. Спустя немного почувствовал рядом чье-то присутствие.

– Садись, Висенна, – сказал он с набитым ртом.

Продолжая есть, глядел на ее профиль, наполовину прикрытый водопадом волос, красных как кровь при свете костра. Висенна молчала, глядя на пламя.

– Эй, Висенна, чего это мы сидим словно две совы? – Корин отставил миску. – Я так не могу, мне сразу становится муторно и холодно. Куда они упрятали свой самогон? Только что тут стоял кувшин, черт его дери. Темно, как в...

Друидка повернулась к нему. Ее глаза светились странным зеленоватым огнем. Корин умолк.

– Да. Точно, – сказал он, немного помолчав, и откашлялся. – Я – бандит. Наемный убийца. Грабитель. Вмешался, потому что люблю драки, мне все едино, с кем драться. Я знаю цену яспису, жадеиту и другим камням, которые еще

попадают в копиях Амелли. Хочу их получить. Мне все равно, сколько людей завтра погибнет. Что ты еще хочешь знать? Я сам скажу, незачем пользоваться своей безделушкой, спрячь ее под змеиную шкурку. Я не намерен ничего скрывать. Ты права, я не гожусь ни для тебя, ни для твоей благородной миссии. Это все. Спокойной ночи. Я пошел спать.

Наперекор словам он не встал. Только схватил палку и несколько раз ткнул ею в тлеющие головни.

– Корин, – тихо сказала Висенна.

– Ну?

– Не уходи.

Корин опустил голову. Из березового полена в костре вырвались голубоватые фонтанчики пламени. Он взглянул на нее, но не смог выдержать взгляда необыкновенных блестящих глаз. Снова отвернулся к огню.

– Не требуй от меня слишком многого, – сказала Висенна, закутываясь в плащ. – Так уж получается, что все неестественное пробуждает страх. И отвращение.

– Висенна...

– Не прерывай. Да, Корин, люди нуждаются в нашей помощи, благодарят за нее, иногда вполне искренне, но брезгуют нами, боятся нас, не смотрят нам в глаза, сплевывают через плечо. Более умные – как, например, ты – менее искренни. Ты не исключение, Корин. От многих я уже слышала, они, мол, недостаточно достойны того, чтобы сидеть со мной за одним костром. А случается, что именно нам нужна помощь этих... нормальных. Или их общество.

Корин молчал.

– Я знаю, – продолжала Висенна, – что тебе было бы легче, будь у меня седая борода и нос крючком. Тогда отвращение ко мне не вызывало бы такого кавардака в твоей голове. Да, Корин, отвращение. Безделушка, которую я ношу на лбу, – это халцедон, ему я в немалой степени обязана своими магическими

способностями. Ты прав, при помощи халцедона мне удастся читать наиболее четкие мысли. Твои – даже чересчур четкие. Не требуй, чтобы мне было по этой причине приятно. Я чародейка, ведьма, но кроме того – женщина. Я пришла сюда потому... потому что хотела тебя.

– Висенна...

– Нет, теперь уже не хочу.

Они сидели молча. Пестрокрылая птица в глубине леса, в темноте, на ветке дерева чувствовала страх. В лесу были совы.

– Что касается отвращения, – наконец проговорил Корин, – тут ты малость перебрала. Однако признаю, ты вызываешь во мне что-то вроде... беспокойства. Нельзя было позволять мне видеть то... на развилке. Тот труп, понимаешь?

– Корин, – спокойно сказала чародейка. – Когда ты у кузни всадил врану меч в горло, меня чуть было не вырвало на гриву коня. Я с трудом удержалась в седле. Но оставим наши способности в покое. Кончим беседу. Она ведет в никуда.

– Кончим, Висенна.

Чародейка плотнее закуталась в плащ. Корин подбросил в костер несколько сучьев.

– Корин?

– Да?

– Хочу, чтобы тебе было не безразлично, сколько людей погибнет завтра. Людей и... тех, других. Я рассчитываю на твою помощь.

– Я помогу.

– Это еще не все. Надо что-то делать с перевалом. Я должна открыть дорогу через Кламат.

Корин указал горящим концом прутика на другие костры и лежащих вокруг них людей, спящих либо тихо переговаривающихся.

– С нашей изумительной армией, – сказал он, – все должно пройти нормально.

– Наша изумительная армия разбежится по домам, как только я перестану отуманивать их чарами, – грустно улыбнулась Висенна. – А я не стану их отуманивать. Не хочу, чтобы кто-нибудь из них погиб в борьбе не за свое дело. А костец – не их дело. Это дело касается исключительно Круга. Я должна пойти на перевал одна.

– Нет. Одна ты не пойдешь, – сказал Корин. – Пойдем вместе. Я, Висенна, с малых лет знал, когда уже пора бежать, а когда еще рановато. Знание это я совершенствовал все годы на практике и поэтому теперь считаюсь бесстрашным. Я не собираюсь подвергать сомнению мнение о себе. Тебе не надо одурманивать меня чарами. Сначала посмотрим, как этот костец выглядит. Кстати, как думаешь, что оно такое, этот костец?

Висенна наклонила голову.

– Боюсь, это смерть.

6

Они не позволили застать себя врасплох в пещерах. Ждали в седлах, неподвижные, напряженные, уставившиеся на выходящих из леса вооруженных кметов. Ветер, развевающий плащи, делал их похожими на изголодавшихся хищных птиц с встопорщенными перьями, страшных, вызывающих одновременно и уважение, и страх.

– Восемнадцать, – подсчитал Корин, поднявшись на стременах. – Все на конях. Шесть лошадей запасных. Одна телега. Микула!

Кузнец быстро перестроил свой отряд. Пикинеры и копейщики опустили на колени на опушке, уперев основания древков в землю. Лучники выбрали позиции за деревьями. Остальные отступили в гущу леса.

Один из наездников направился к ним. Подъехал близко, остановил коня, поднял над головой руку, что-то крикнул.

– Подвох, – буркнул Микула, – знаю их, сукиных сынов.

– Посмотрим, – сказал Корин, спрыгивая с седла. – Пошли.

Они медленно подошли к коннику. Вдвоем. Спустя минуту Корин заметил, что Висенна идет следом.

Наездник был оборотцем.

– Буду краток, – крикнул он, не слезая с коня. Его маленькие блестящие глазки посверкивали, наполовину скрытые в шерсти, покрывающей лицо. – Я сейчас команду группой, которую вы там видите. Девять оборотцев, пятеро людей, три врана, один эльф. Остальные погибли. Между нами возникли трения. Наш бывший командир, помыслы которого привели нас сюда, лежит в пещере связанный. Делайте с ним что хотите. Мы уходим.

– И вправду речь была короткой, – фыркнул Микула. – Вы, значит, хотите уйти, а мы хотим выпустить вам кишки. Что скажете?

Оборотец сверкнул острыми зубками, выпрямился в седле на всю высоту своего небольшого тельца.

– Ты думаешь, я предлагаю разойтись мирным путем из-за того, что испугался вас, вашей банды засранцев в соломенных лаптях? Извольте, ежели есть охота, мы проедем по вашим животам. Это наше ремесло, парень. Я знаю, чем мы рискуем. Даже если часть из нас падет, остальные пройдут. Такова жизнь.

– Телега не пройдет, – процедил Корин. – Такова жизнь.

– Это уж ваша забота.

– Что на телеге?

Оборотец сплюнул через правое плечо.

– Двадцатая часть того, что осталось в пещере. И чтобы все было ясно – если прикажете оставить телегу, согласия не дадим. Уж коли выходить из этого цирка без профита, то по крайней мере не без борьбы. Ну как? Если биться, так предпочитаю сейчас, утром, пока солнышко не начнет припекать.

– Смелый ты парень, – сказал Микула.

– В моей родне все такие.

– Отпустим вас, если сложите оружие.

Оборотец снова сплюнул, для разнообразия – через левое плечо.

– Ничего не выйдет, – буркнул он.

– Вон где у тебя болит-то, – засмеялся Корин. – Без оружия вы – мусор.

– А ты что такое без оружия? – спросил карлик спокойно. – Королевич? Я ж вижу, что ты за тип. Думаешь, я слепой?

– Собираетесь завтра вернуться с оружием? – медленно спросил Микула. – Хоть за частью того, что, как ты сказал, осталось в пещере. За еще большим профитом?

– Была такая мыслишка, – ощерился оборотец. – Но после нашей краткой беседы мы решили отказаться.

– И очень правильно сделали, – вдруг сказала Висенна, выходя из-за спины Корина и встав перед конным. – Очень правильно сделали, что отказались, Кехль.

Корину почудилось, что ветер неожиданно усилился, завыл меж камнями и травами, ударил холодом. Висенна продолжала каким-то чужим металлическим голосом:

– Тот из вас, кто захочет вернуться, умрет. Я это вижу и предрекаю. Уходите немедленно. Немедленно. Сейчас же. Тот, кто попробует вернуться, умрет.

Оборотец наклонился, взглянул на чародейку. Он был немолод – шерсть почти пепельная, испещренная седыми прядками.

– Ты? Так я и думал. Я рад, что... Впрочем, не все ли равно. Я сказал, что мы не намерены сюда возвращаться. Мы присоединились к Фрегеналю ради заработка... Это кончилось. Сейчас у нас на шее Круг и целые деревни, а Фрегеналь начал бредить о власти над миром. Хватит с нас и его, и страховидла с перевала.

Он натянул поводья, повернул коня.

– Зачем я это говорю? Мы уходим. Бывайте здоровы.

Никто ему не ответил. Оборотец задержался, глянул на опушку леса, потом посмотрел на неподвижную шеренгу своих конников. Снова наклонился в седле и, заглянув в глаза Висенне, сказал:

– Я был против покушения на тебя. Теперь вижу, что верно поступал. Если скажу, что кость – смерть, ты все равно пойдешь на перевал?

– Верно.

Кехль выпрямился, прикрикнул на коня, помчался к своим. Спустя минуту конники, выстроившись в колонну и окружив телегу, двинулись к дороге. Микула уже был рядом со своими. Что-то говорил, успокаивал бородача из Порога и других жаждущих крови и мести. Корин и Висенна молча наблюдали за проходящим мимо них отрядом. Конники ехали медленно, глядя прямо перед собой, демонстрируя спокойствие и холодное презрение. Лишь Кехль, проезжая, слегка приподнял руку в прощальном жесте, со странной гримасой посмотрев на Висенну. Потом резко пришпорил коня, помчался в голову колонны и скрылся меж деревьев.

Первый труп лежал у самого входа в пещеры. Задавленный, втиснутый между мешками с овсом и кучей хвороста. Коридор разветвлялся, сразу за разветвлением лежали еще двое – у одного голова была размозжена ударом палицы либо обуха, второй был покрыт коркой застывшей крови из многочисленных ран. Все трое – люди.

Висенна сняла перевязку со лба. Диадема горела ярче факела, освещая мрачное чрево пещеры. Коридор вел в большую по размерам пещеру. Корин тихонько свистнул сквозь зубы.

У стен стояли сундуки, мешки и бочки, вздымались груды конской упряжи, тюки шерсти, оружие, инструменты. Несколько сундуков были разбиты и пусты. Другие – полны. Проходя, Корин видел матово-зеленые кучки яшмы, темные обломки жадеита, агата. Опалы, хризопразы и другие камни, которых не знал. На каменной почве, кое-где поблескивающей разбросанными точечками золотых, серебряных монет, лежали неряшливо брошенные связки мехов – бобровых, рысьих, лисьих, росомашьих.

Висенна, не задерживаясь ни на минуту, направилась в расположенную дальше пещеру, гораздо меньшую, мрачную. Корин последовал за ней, тоскливо оглядываясь на сундуки.

– Я здесь, – проговорила темная, неясная фигура, лежащая на куче тряпья и шкур, покрывающих землю.

Подожли. Связанный человек был невысок, лыс и толст. Огромный синяк покрывал половину лица.

Висенна тронула диадему, халцедон на мгновение разгорелся ярким светом.

– Это ни к чему, – сказал связанный. – Я тебя знаю. Только имя забыл. Знаю, что у тебя на лбу. Это ни к чему, говорю. Они напали на меня во сне, забрали перстень, уничтожили жезл. Я бессилен.

– А ты изменился, Фрегеналь, – сказала Висенна.

– Вспомнил: Висенна, – буркнул толстяк. – Ну конечно, Висенна. Не ожидал, что они пришлют тебя. Думал, будет мужчина, поэтому послал Маниссу. С мужчиной моя Манисса управлялась бы запросто.

– Ан не управлялась, – похвалился Корин, оглядываясь. – Хотя надо признать, покойница старалась как могла.

– Жаль.

Висенна осмотрела пещеру, уверенно направилась в угол, носком сапога перевернула камень, из ямки под ним извлекла глиняный горшочек, завязанный промасленной кожей. Разрезала ремешок своим золотым серпиком, вынула сверток пергамента. Фрегеналь злобно глядел на нее.

– Надо же, – сказал он дрожащим от ярости голосом. – Какой талант, поздравляю. Умеем отыскивать спрятанные вещи. Что еще умеем? Ворожить по бараньим кишкам? Лечить вздутие живота у телок?

Висенна просматривала лист за листом, не обращая на него внимания.

– Интересно, – проговорила она немного погодя. – Одиннадцать лет назад, когда тебя изгнали из Круга, пропали страницы из Запретных Книг. Хорошо, что нашлись, к тому же обогащенные комментариями. Ишь ты, решился использовать Двойной Крест Альзура, ну-ну. Не думаю, чтобы ты забыл, как кончил Альзур. Несколько созданных им творений еще вроде бы болтаются по свету, в том числе и последнее, вий, который изуродовал его и разрушил половину Марибора, прежде чем сбежать в зареченский лес.

Она сложила несколько листов вчетверо, спрятала в карман буфастого рукава кафтана и развернула следующие.

– Ага, – наморщила она лоб. – Формула Древокорня, немного измененная. А это Треугольник в Треугольнике, способ вызвать серию мутаций и колоссальный прирост массы тела. А что же послужило исходным существом, Фрегеналь? Что это? Похоже на обычного паурака? Чего-то тут недостает, а, Фрегеналь? Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

– Рад, что ты заметила, – поморщился волшебник. – Обычный паурак, говоришь? Когда этот обычный паурак сойдет с перевала, мир онемееет от ужаса. На мгновение. А потом захлебнется криком.

– Ладно, ладно. Где недостающие заклинания?

– Нигде. Я не хотел, чтобы они попали не в те руки. Тем более в ваши. Мне известно, что Круг мечтает о власти, которую можно заполучить, зная эти заклинания. Но ничего не выйдет. Вам никогда не удастся создать что-нибудь, хотя бы наполовину столь же ужасное, как мой костец.

– Похоже, тебя били по темечку, Фрегеналь, – сказала Висенна спокойно. – И, видно, поэтому ты все еще не можешь размышлять, как положено. Кто тут говорит о создании? Твое чудовище надо уничтожить. Самым простым способом, перевернув созидающее заклинание, то есть с помощью Эффекта Зеркала. Конечно, созидающее заклинание было настроено на твой жезл, значит, надо будет перенастроить его на мой халцедон.

– Больно уж много всяких «надо будет», – буркнул толстяк. – Придется тебе здесь сидеть до Судного дня, заумная девчонка. Почему ты вдруг решила, что я выдам тебе созидающее заклинание? Смешно! Ты не вытянешь из меня ничего, ни из живого, ни из мертвого. У меня блокада. Не пялься так. Не то твой камушек лоб тебе прожжет. А ну, давай развяжи меня, занемел я весь.

– Хочешь, дам тебе пару пинков? – усмехнулся Корин. – Ускоряет кровообращение. Похоже, ты не понимаешь своего положения, дуб лысый. Сейчас сюда явятся кметы, которым здорово докучала твоя банда. Я слышал, они намерены разорвать тебя на куски четверкой лошадей. Ты когда-нибудь видел, как это делается? Сначала отрываются руки...

Фрегеналь напряжился, вытаращил глаза и попробовал плюнуть Корину на сапог, но из положения, в котором он лежал, сделать это было трудно – он лишь облюнявил себе бороду.

– Вот, – фыркнул он, – вот как я испугался ваших угроз! Ничего вы мне не сделаете! Что ты себе вообразил, бродяга? Влез в самую гущу дел, которые тебе не под силу! Спроси ее, зачем она сюда явилась? Висенна, объясни ему. Похоже, он принимает тебя за благородную спасительницу угнетенных, борца

за благополучие бедняков! А тут все дело в деньгах, кретин! В бо-о?ольших деньгах!

Висенна молчала. Фрегеналь напрягся, скрипнул путами и с трудом повернулся на бок, согнув ноги в коленях.

– Скажешь, не правда, – воскликнул он, – что Круг прислал тебя, чтобы ты прочистила золотую трубу, из которой перестало течь? Ведь Круг черпает доходы с добычи яшмы и жадеита и собирает дань с купцов и караванов взамен охранных амулетов, которые, как оказалось, не действуют на моего костеца!

Висенна молчала. Она не глядела на связанного. Глядела только на Корина.

– Так! – воскликнул чародей. – Ты даже не отрицаешь! Значит, об этом уже известно всем. Раньше знали только старшины, а таких соплячек, как ты, уверяли, будто Круг создан исключительно ради борьбы со Злом. Меня это не удивляет. Мир меняется, люди понемногу начинают понимать, что без волшебства и волшебников обойтись можно. Не успеете оглянуться, как станете безработными, вынужденными жить тем, что наворовали до сих пор. Ничто вас не интересует, только выгода. Потому-то вы немедленно развяжете меня. И не убьете, и не осудите на смерть, ибо это потребовало бы от Круга новых расходов. А этого Круг вам не простит, дело ясное.

– Вовсе не ясное, – холодно сказала Висенна, скрестив руки на груди, – Видишь ли, Фрегеналь, такие соплячки, как я, не обращают особого внимания на преходящие блага. Какое мне дело, потеряет Круг или найдет, а то и вовсе перестанет существовать. Я всегда могу выжить хотя бы лечением вздутий у телят либо импотенции у таких грибов, как ты. Но не это важно. Важно то, что жить хочешь ты, Фрегеналь, и именно поэтому мелешь вздор. Жить хочет каждый. Поэтому сейчас, на этом вот месте, ты выдашь мне созидающее заклинание. Потом поможешь найти своего паурачьего костеца и уничтожить его. А если нет... Ну что ж, пойду в лес, подышу свежим воздухом. Потом смогу сказать в Кругу, что не уберегла тебя от разъяренных кметов.

– Ты всегда была циником. – Чародей скрежетнул зубами. – Даже тогда, в Майене. Особенно при контактах с мужчинами. Было тебе четырнадцать лет, а уже кругом говорили о твоих...

– Прекрати, Фрегеналь, – прервала друидка. – Твои речи не производят на меня никакого впечатления. На него тоже. Он мне не любовник. Скажи, что ты согласен. И кончим игру. Ведь ты же отвернулся.

– Конечно, – прошипел он. – Идиотом меня считаешь? Жить хочет каждый.

8

Фрегеналь остановился, тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб.

– Вон за той скалой начинается ущелье. На старых картах его называли Дур-тан-Орит, Мышиный Яр. Это ворота Кламата. Здесь придется оставить лошадей. Верхом к нему незаметно не подойдешь.

– Микула, – сказала Висенна, слезая. – Подождите здесь до вечера, не больше. Если не вернусь, на перевал не ходите ни в коем случае. Возвращайтесь домой. Ты понял, Микула?

Кузнец кивнул. С ним было только четверо деревенских. Самых смелых. Остальная часть группы растаяла по дороге словно майский снег.

– Я понял, милсдарыня, – буркнул кузнец, таращась на Фрегеналья. – И все ж дивно мне, что этому окаянцу вы верите. Мне думается, кметы были правы. Башку ему свернуть надо было. Гляньте только, госпожа, на евонные свинячьи zenки, на евонную предательскую морду.

Висенна не ответила. Прикрыла глаза рукой, глядела на горы, на устье ущелья.

– Веди, Фрегеналь, – скомандовал Корин, затягивая ремень.

Тронулись.

Через полчаса увидели первую телегу. Перевернутую, разбитую. За ней вторую, со сломанным колесом. Конские скелеты. Скелет человека. Второй. Третий. Четвертый. Куча поломанных, раздробленных костей.

– Сукин ты сын, – тихо сказал Корин, глядя на череп, сквозь глазницы которого уже пробилась крапива. – Купцы, говоришь? Не знаю, что меня удерживает...

– Мы договорились... – быстро прервал Фрегеналь. – Договорились. Я сказал все, Висенна. Я вам помогаю. Веду. Мы договорились!

Корин сплюнул. Висенна взглянула на него, бледная, потом повернулась к чародею.

– Договорились. Ты поможешь нам его отыскать и уничтожить, потом иди, куда хочешь. Твоя смерть не вернет к жизни тех, что тут лежат.

– Уничтожить... уничтожить... Висенна, я предупреждал тебя и повторяю еще раз: погрузи его в летаргию, парализуй, ты знаешь заклинания. Но не уничтожай. Ему цены нет. Ты всегда сможешь...

– Перестань, Фрегеналь. Об этом мы уже говорили. Веди.

Пошли дальше, осторожно обходя скелеты.

– Висенна, – немного погодя шепнул Фрегеналь. – Ты понимаешь, что делаешь? Это не шутки. Сама знаешь, с Эффектом Зеркала всякое бывает. Если инверсия не сработает – вам конец. Я видел, на что он способен.

Висенна остановилась.

– Не крути. За кого ты меня принимаешь? Инверсия сработает, если...

– Если ты нас не обманул, – вставил Корин глухим от ярости голосом. – А если обманул... так, говоришь, видел, на что способен твой ублюдок? А знаешь, на что способен я? Я знаю такой удар, после которого остается одно ухо, одна щека и половина челюсти. Пережить это можно, но нельзя потом, например, играть на флейте.

– Висенна, утихомирь своего убийцу, – побледнев, с трудом проговорил Фрегеналь. – Объясни ты ему, что я просто не мог тебя обмануть, ты почувствовала бы...

– Не болтай лишнего, Фрегеналь. Веди.

Дальше снова валялись телеги. И опять скелеты: перемешанные, переплетенные, белеющие в траве ребра, торчащие меж камней берцовые кости, кошмарно ухмыляющиеся черепа. Корин молчал, стискивая рукоять меча вспотевшей рукой.

– Осторожно, – шепнул Фрегеналь. – Мы уже близко. Идите тихо.

– На каком расстоянии он реагирует? Фрегеналь, я тебя спрашиваю.

– Я дам знак.

Они пошли дальше, поглядывая на крутые склоны ущелья, покрытые уродливыми обрубками кустов, изборожденные полосами трещин и осыпей.

– Висенна, ты его уже чувствуешь?

– Я дам знак. Жаль, не могу тебе помочь. Без жезла и перстня я ничего не могу сделать. Я бессилен. Разве что...

– Разве что...

– Вот что!!!

С приткостью, которой трудно было от него ожидать, толстяк схватил острый обломок, ударил Висенну в затылок. Друидка упала, не издав ни звука, лицом вниз. Корин замахнулся мгновенно выхваченным мечом, но чародей был невероятно ловок. Упал на четвереньки, подкатился Корину под ноги и тем же обломком саданул его по колену. Корин взвыл, упал, боль на мгновение лишила его дыхания, а потом волна тошноты хлынула из внутренностей к горлу. Фрегеналь вскочил, словно кошка, намереваясь ударить снова.

Пестрокрылая птица камнем упала сверху, чиркнув по лицу волшебника. Фрегеналь отскочил, взмахнул руками, упустил свое оружие. Корин, опершись на локоть, махнул мечом, но меч прошел мимо голени толстяка, а тот

развернулся и помчался обратно, в сторону Мышьего Яра, вопя и хохоча. Корин пытался встать и догнать его, но боль затащила ему глаза туманом. Он упал, осыпая волшебника градом отвратительных ругательств.

Фрегеналь с безопасного расстояния обернулся и остановился.

– Ты, недоделанная ведьма! – зарычал он. – Ты, рыжая паскуда! Фрегеналья вздумала перехитрить? Милостиво даровать мне жизнь? Думала, я буду спокойно наблюдать, как ты его убиваешь?

Корин, не переставая ругаться, массировал колено, успокаивая пульсирующую боль. Висенна лежала неподвижно.

– Идет! – рявкнул Фрегеналь. – Смотрите! Любуйтесь, потому что уже через минуту мой костец выдавит вам глаза из черепов! Он уже идет!

Корин оглянулась. Из-за каменного навала, в каких-нибудь ста шагах от них, выглянули узловатые суставы согнутых паучьих ног. Спустя секунду через кучу камней с грохотом перевалилась по меньшей мере четырехсаженная туша, плоская, как тарелка, землисто-ржавая, шершавая, покрытая игольчатыми выступами. Какая-то смесь паука и рака. Четыре пары ног размеренно переступали, волоча тарелкообразный корпус через щебенку. Пятая, головная пара конечностей, непропорционально длинных, была вооружена мощными рачьими клешнями, покрытыми рядами острых игл и роговых выступов.

«Сон, – пронеслось в голове Корина. – Кошмар! Проснуться! Проснуться! Крикнуть и проснуться. Крикнуть! Крикнуть!»

Забыв о боли в колене, он подскочил к Висенне, дернул. Волосы друидки были залиты кровью, стекающей по шее.

– Висенна... – выдавил он парализованным от страха горлом. – Висенна...

Фрегеналь разразился сумасшедшим хохотом, отразившимся эхом от стен ущелья. Смех заглушил шаги подбежавшего с топором в руке Микулы. Фрегеналь увидел кузнеца, когда было уже слишком поздно. Топор угодил ему в крестец, немного повыше бедер, и вошел по самый обух. Чародей с воплем

боли рухнул на землю, пытаясь выбить оружие из рук кузнеца. Голова Фрегеналы покатилась по склону и замерла, уткнувшись лбом в один из черепов, лежавших под колесами разбитой телеги.

Корин хромал, спотыкался о камни, волоча Висенну, обессиленную и обмякшую. Микула подскочил к ним, схватил девушку, легко перекинул через плечо и побежал. Корин, хоть и освободился от груза, не поспевал за кузнецом. Глянул назад, костец двигался за ними, скрипя суставами, вытянутые клещи прочесывали редкую траву, стучали по камням.

– Микула! – отчаянно крикнул Корин.

Кузнец оглянулся, опустил Висенну на землю, подбежал к Корину, поддержал его. Они побежали рядом. Костец ускорил движение, поднимая усыпанные иглами лапы.

– Ничего не выйдет, – сопел Микула, оглядываясь. – Нам не уйти...

Подбежали к Висенне.

– Истечет кровью, – охнул Микула.

И тут Корин вспомнил. Сорвал с пояса Висенны ее кошель, вытряхнул содержимое, не обращая внимания на другие предметы, схватил ржавый, покрытый руническими знаками минерал, развел рыжие, слипшиеся от крови волосы, прижал гематит к ране. Кровь мгновенно остановилась.

– Корин! – крикнул Микула.

Костец был близко. Расставил лапы, зубастые клещи раскрылись. Микула видел вращающиеся на столбиках глаза чудовища и скрежещущие под ними полусерповидные челюсти. Двигаясь, костец ритмично шипел: тсс, тсс, тсс...

– Корин!

Корин не ответил, что-то шептал, не отрывая гематита от раны. Микула подскочил, схватил его за плечо, оттащил от Висенны, подхватил друидку

на руки. Они побежали. Костец, не переставая шипеть, поднял лапы, заскреб по камням хитиновым брюхом и резво пополз за ними следом. Микула понял, что шансов у них нет.

Со стороны Мышьего Яра галопом мчался наездник в кожаной куртке, в шлеме с бармицей из железных колец и поднятым над головой широким мечом. На косматой морде горели маленькие глазки, блестели острые зубы.

С боевым кличем Кехль ринулся на костеца. Однако не успел он напасть на чудовище, как жуткие клешни защелкнулись, схватили коня игольчатыми клещами. Оборотец вылетел из седла, покатился по земле.

Костец без видимого усилия поднял коня клещами и насадил на острый шип, торчащий в передней части туловища. Серповидные челюсти сомкнулись, кровь животного хлынула на камни, из разорванного брюха вывалились на землю исходящие паром внутренности.

Микула подбежал, поднял с земли оборотца, но тот отпихнул его, схватил меч, завопил так, что заглушил предсмертный визг коня, и прыгнул на костеца. С обезьяньей ловкостью проскользнул под костлявым локтем чудовища и рубанул изо всей силы, прямо по сидящему на столбике глазу. Костец зашипел, отпустил коня, раскинул лапы на стороны, захватил Кехля острыми шипами, поднял с земли, откинул в сторону, на щебень. Кехль упал на камни, выпустив меч. Костец проделал полуоборот, протянул клешни и ухватил его. Маленькое тельце повисло в воздухе.

Микула яростно рявкнул, двумя прыжками подлетел к чудовищу, размахнулся и рубанул топором по хитиновому панцирю. Корин, бросив Висенну, не раздумывая, подскочил с другой стороны, меч, который он держал обеими руками, с размаху вонзился в щель между панцирем и лапой. Нажимая грудью на рукоять, Корин воткнул острие по самую корду. Микула ахнул и ударил еще раз, панцирь треснул, вырвалась зеленая вонючая жидкость. Костец зашипел, отпустил оборотца, поднял клещи. Корин уперся ногами в землю, ухватился за рукоять меча. Попытался вытянуть. Не получилось.

– Микула! – крикнул он. – Назад!

Оба кинулись бежать, по-умному, в разные стороны. Костец растерялся, скребанул животом по камню и двинулся прямо на Висенну, которая, свесив голову меж рук, пыталась подняться на четвереньки. Над ней, быстро-быстро работая крылышками, повисла в воздухе пестрокрылая птица и кричала, кричала, кричала...

Костец был близко.

Микула и Корин прыгнули одновременно, преграждая дорогу чудовищу.

– Висенна!

– Госпожа!

Костец, не останавливаясь, растопырил лапищи.

– В сторону! – крикнула Висенна, встав на колени и поднимая руки. – Корин! В сторону!

Оба отскочили, прижались к стене ущелья.

– Nenena firefdth kerelanth! – страшно крикнула чародейка, выбрасывая руки в сторону костца. Микула увидел, как что-то неуловимое двигается от нее к чудовищу. Трава стлалась по земле, а мелкие камни раскатывались по сторонам, словно разбрасываемые тяжестью огромного шара, набравшего скорость. Из руки Висенны вырвалась ослепительно яркая зигзагообразная струя света, ударила в костца, рассыпалась по панцирю сеткой огненных язычков. Воздух разорвал оглушительный гул. Костец лопнул, извергая фонтан зеленой крови, обломков хитина, ног, внутренностей, все это взлетело на воздух, градом сыпануло вокруг, задуднило о скалы, шелестом прошлось по зарослям. Микула присел, обеими руками заслонив голову.

Было тихо. На том месте, где только что стояло чудовище, чернела и дымила круглая воронка, забрызганная зеленой жидкостью, устланная отвратительными, трудноузнаваемыми мелкими осколками.

Корин, отирая с лица зеленые пятна, помог Висенне подняться с земли. Висенна дрожала.

Микула наклонился над Кехлем. Глаза у оборотца были раскрыты. Толстая куртка из конской кожи превратилась в лохмотья, под которыми проглядывало то, что осталось от руки и плеча. Кузнец хотел что-то сказать, но не смог. Поддерживая Висенну, подошел Корин. Оборотец повернул к ним голову. Корин взглянул на его плечо и с трудом сглотнул слюну.

– Это ты, королевич? – тихо, но спокойно и отчетливо сказал Кехль. – Ты был прав... Без оружия я – мусор. А без руки? Наверно – дерьмо, а?

Спокойствие оборотца поразило Корина больше, чем вид переломанных костей, выпирающих из кошмарных ран. То, что карлик все еще был жив, казалось невероятным.

– Висенна, – шепнул Корин, умоляюще глядя на чародейку.

– Я не смогу, Корин, – ломким голосом сказала Висенна. – Этот организм, это тело... Все законы, которые им управляют, совершенно отличны от человеческих... Микула... Не прикасайся к нему...

– Ты вернулся, – шепнул Микула. – Почему?

– Потому что законы, которые нами управляют, совершенно отличны от человеческих, – сказал Кехль с гордостью в голосе, хоть уже и с явным трудом. Струйка крови вытекла у него изо рта, пачкая пепельный мех. Он отвернулся, взглянул в глаза Висенне. – Ну, рыжая ведьма! Исполняется твое пророчество... Помоги мне!

– Нет! – крикнула Висенна.

– Да, – сказал Кехль. – Так надо. Пора.

– Висенна, – изумленно выдохнул Корин. – Надеюсь, ты не собираешься...

– Отойдите! – крикнула друидка, сдерживая рыдания. – Отойдите оба!

Микула, глядя в сторону, потянул Корина за руку. Корин не сопротивлялся. Он еще увидел, как Висенна опускается перед оборотцем на колени, нежно гладит его по мохнатому лбу, касается висков. По телу Кехля прошла волна судороги, он дернулся и замер.

Висенна плакала.

9

Пестрокрылая птица, сидевшая на плече у Висенны, наклонила плоскую головку, уставилась на чародейку круглым неподвижным глазом. Конь шлепал по выбоистому тракту, небо было кобальтово-синим и чистым.

– Тюююик тююит, – проговорила пестрокрылая птица.

– Возможно, – согласилась Висенна. – Но не в этом дело. Ты меня не поняла. Впрочем, я не в претензии. Обидно, что обо всем я узнала сначала от Фрегеналя, а не от тебя, это верно. Но я ведь знаю тебя не первый день, знаю, что ты не болтлива. Думаю, если б я спросила напрямик, ты бы ответила.

– Трк, тююик?

– Конечно. Уже давно. Но сама знаешь, как у нас: сплошные тайны, все тайное, секретное. Впрочем, дело лишь в размере. Я тоже не отказываюсь принять плату за лечение, если кто-то мне ее сует, а я знаю, что дать он может. Знаю, что за определенные услуги Круг требует высокой платы. И правильно делает. Все дорожает, а жить надо. Не в этом дело.

– Тююииит... – Птица переступила с лапки на лапку. – Корриин.

– А ты догадлива, – горько усмехнулась Висенна, наклонив голову к птице и позволив ей легко коснуться клювом своей щеки. – Именно это меня и огорчает. Я видела, как он посматривал на меня. Мало того что она ведьма, вероятно, думал он, так еще и лицемерная комбинаторша, алчная и расчетливая.

– Тювиит трк трк трк тююиит?

Висенна повернула голову.

– Ну, не так-то уж и плохо, – буркнула она, прищуриваясь. – Ты ж понимаешь, я не девочка, мне не так просто вскружить голову. Хотя, честно говоря... Долговато я мотаюсь в одиночку по... Но это уже не твоя забота. Береги свой клюв.

Птица молчала, топорща перышки. Лес был все ближе, виднелась дорога, уходящая в гущу. Под покров крон.

– Слушай, – спустя минуту проговорила Висенна. – Как, по-твоему, все может выглядеть в будущем? Действительно ли возможно, что люди перестанут в нас нуждаться? Ну хотя бы в самом простом, в исцелении. Некоторый прогресс намечается. Возьмем, к примеру, траволечение, но разве можно себе представить, что кто-то справится с крупозным воспалением легких? С послеродовой лихорадкой? Со столбняком?

– Твиик твиит.

– Тоже мне ответ. Теоретически возможно и то, что наш конь через минуту включится в разговор. И скажет что-нибудь умное. А что скажешь о раке? Думаешь, они оправятся и победят рак без магии?

– Тррк!

– Я тоже так думаю.

Они въехали в лес, пахнувший прохладой и влагой. Пересекли неглубокий ручей. Висенна поднялась на холм, потом спустилась вниз в вереск, доходящий до стремян, тут снова отыскала дорогу, песчанистую, заросшую. Она знала ее, ехала по ней всего три дня назад. Только в противоположную сторону.

– Что-то мне кажется, – заговорила она снова, – следовало бы все же кое-что у нас изменить. Костенеем мы, слишком крепко и некритично уцепились за традиции. Как только вернусь...

– Твиит, – прервала пестрокрылая птица.

– Что?

– Твиит.

– Что ты хочешь этим сказать? Почему нет?

– Тррррк.

– Какая надпись? На каком еще столбе?

Птица, взмахнув крылышками, сорвалась с ее плеча, отлетела, скрылась в листве.

На развилке дорог, опершись спиной о столб, сидел Корин и с наглой улыбочкой смотрел на нее. Висенна соскочила с коня, подошла ближе. Она чувствовала, что тоже улыбается, против воли, больше того, она подозревала, что улыбка эта выглядит не очень-то умно.

– Висенна! – воскликнул Корин. – Ну, признайся, ты, случаем, не одурманиваешь меня своими чарами? Понимаешь, я страшно рад нашей встрече, прямо-таки противоестественно рад! Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Не иначе как чары.

– Ты меня ждал.

– Ты чертовски проницательна. Видишь ли, я проснулся ранехонько, гляжу, ты уехала. Как мило с ее стороны, подумал я, что она не стала меня будить ради такой ерунды, как краткое прощание, без которого, естественно, можно запросто обойтись. В конце концов, кто в теперешние времена прощается либо здоровается? Все это не более чем предрассудки и чудачества. Верно ведь? Ну, повернулся я на другой бок и снова уснул. Только после завтрака вспомнил, что мне ведь надо было сказать тебе кое-что важное. Поэтому сел я на отвоеванного коня и поехал напрямую.

– И что же ты намерен был мне сказать? Важное? – спросила Висенна, подходя ближе и задирая голову, чтобы глянуть в голубые глаза, которые прошлой ночью видела во сне.

Корин широко улыбнулся, показав ровные белые зубы.

– Дело деликатного свойства, – сказал он. – Так, в двух словах не изложишь. Потребуется детальные пояснения. Не знаю, успею ли до вечера.

– Ну, хотя бы начни.

– Это-то, собственно, самое сложное. Не знаю как.

– У господина Корины не хватает слов, – все еще улыбаясь, покрутила головой Висенна. – Неслыханное дело! Ну, тогда давай сначала.

– Недурная мысль. – Корин сделал вид, что решил быть серьезным. – Видишь ли, Висенна, прошло уже довольно много времени с тех пор, как я мотаюсь в одиночестве...

– По лесам и дорогам, – закончила чародейка, закидывая ему руки на шею.

Пестрокрылая птица, сидевшая высоко на ветке дерева, раскрыла крылышки, взмахнула ими, подняла головку и сказала:

– Трррк твиит твиит.

Висенна оторвала губы от губ Корины, взглянула на птицу, подмигнула:

– Ты была права. Это действительно дорога, с которой нет возврата. Лети, скажи им...

Она замолчала, потом махнула рукой:

– Впрочем, нет, ничего им не говори...

Что-то кончается, что-то начинается[2 - Cos SiJ Konczy, Cos SiJ Zaczyna. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.]

Всем молодоженам, но особенно двум из них.

Эта легенда, автором которой является Андреа Равикс, пылится где-то на полках в библиотеке Нимуэ...

I

Солнце протиснуло свои огненные щупальца сквозь щели в ставнях, пронизало комнату косыми, клубящимися от кружащейся пыли лучами, разлило яркие пятна по полу и покрывающим его медвежьим шкурам, слепящими розблесками заиграло на застежках пояса Йеннифэр. Пояс Йеннифэр лежал на высоком башмаке со шнуровкой. Высокий башмак со шнуровкой покоился на белой кофточке с кружевами, а белая кофточка с кружевами лежала на черной юбке. Один черный чулок свисал с поручня кресла, вырезанного в виде головы химеры. Второго чулка и второго башмака – со шнуровкой – нигде не было видно. Геральт вздохнул. Йеннифэр обожала раздеваться быстро и размашисто. Приходила пора привыкать к этому. Другого выхода не было.

Он встал, отворил ставни, выглянул в окно. Гладкую, как зеркальное стекло, поверхность озера затягивал туман, листва прибрежных берез и ольх искрилась росой, далекие луга покрывала низкая, плотная мгла, висящая словно вуаль над самыми верхушками трав.

Йеннифэр пошевелилась под периной, что-то пробормотала. Геральт вздохнул.

– Роскошный день, Йен.

– Э?э?э? Что?

– Роскошный день. Невероятно роскошный день.

Он был удивлен: вместо того чтобы ругнуться и накрыть голову подушкой, чародейка уселась, свесив ноги, прошла по волосам пятерней и принялась искать на постели ночнушку. Геральт знал, что ночнушка находится за спинкой кровати, там, куда Йеннифэр закинула ее вчера ночью. Но не проронил ни слова.

Йеннифэр не терпела подобных замечаний.

Чародейка негромко выругалась, отбросила ногой перину, подняла руку и щелкнула пальцами. Ночнушка выпорхнула из-за спинки, размахивая оборками словно кающийся дух, всплыла прямо в ожидающую ее руку.

Геральт вздохнул.

Йеннифэр встала, подошла к нему, обняла и куснула в плечо.

Геральт вздохнул.

Перечень того, к чему приходилось привыкать, был, казалось, неисчерпаем.

– Ты хотел что-то сказать? – прищурилась чародейка.

– Нет.

– Ну и славно. Знаешь что? День действительно роскошный. Прекрасная работа.

– Работа? То есть?

Прежде чем Йеннифэр успела ответить, они услышали внизу высокий протяжный крик и свист. По берегу озера, расплескивая воду, галопом мчалась Цири на вороной кобыле. Кобыла была чистых кровей и невероятно роскошна. Геральт знал, что когда-то она принадлежала некоему полуэльфу, который составил себе представление о беловолосой ведьмочке исключительно на основании ее внешности и здорово ошибся. Цири назвала отвоеванную кобылу Кэльпи. Так островитяне со Скеллиге именовали грозного и зловредного морского духа, порой принимавшего облик лошади. Имя идеально подходило для кобылы. Не так давно некий хоббит, задумавший было Кэльпи скрасть, убедился в этом весьма болезненно. Хоббита звали Сэнди Фрогмортон, но после того случая к нему прилипла кличка «Кочан цветной капусты», или – короче – просто «Кочерыжка».

– Когда-нибудь она свернет себе шею, – проворчала Йеннифэр, глядя на наклонившуюся и поднявшуюся в стремених Цири, которая во весь опор

мчалась в ореоле водяных брызг. – Когда-нибудь эта помешанная, твоя дочурочка, сломает себе шею.

Геральт обернулся и, не говоря ни слова, заглянул прямо в фиолетовые глаза чародейки.

– Ну, хорошо, хорошо, – улыбнулась Йеннифэр, не опуская глаза. – Прости. Наша помешанная дочурочка.

Она снова обняла его, крепко прижалась, снова поцеловала и снова куснула. Геральт коснулся губами ее волос и осторожно спустил ночнушку с плеч чародейки.

А потом они снова оказались в кровати, на раскиданной постели, еще теплой и пахнущей сном. И принялись взаимно искать друг друга и искали долго и очень терпеливо, а уверенность в том, что они, конечно же, найдут наверняка, наполняла их радостью и счастьем, и радость и счастье были во всем, что они делали. И хотя они так сильно отличались, они, как всегда, понимали, что эти отличия связывают намертво так же, как сработанная топором врубка связывает стропила с коньком, затес, который позволяет построить дом. И все было так же, как в первый раз, когда Геральта восхитили ее ошеломляющая нагота и бурное желание, а ее восхитили его деликатность и нежность. И так же, как в первый раз, она хотела ему об этом сказать, но он прервал ее поцелуем и ласками и отнял у ее слов всякий смысл. А позже, когда об этом хотел сказать ей он, у него перехватило дыхание, а потом счастье и блаженство обрушились на них с силой свалившегося с неба камня, и вместо ненужных слов был беззвучный крик, и мир перестал для них существовать, ибо что-то кончилось, и что-то началось, и что-то продолжалось, и была тишина, тишина и покой.

И восторг. Восхищение.

Мир понемногу приходил в себя, и снова была постель, пахнущая сном, и залитая солнцем комната, и день. День...

– Йен?

– М?м?м?

– Когда ты сказала, что день роскошный, то добавила: «Прекрасная работа». Это должно было, что ли, означать...

– Должно было, – подтвердила она, потянувшись и ухватилась вытянутыми руками за углы подушки, а ее грудь при этом напряглась так, что это отозвалось в ведьмаке дрожью в нижней части спины. – Видишь ли, Геральт, такую погоду сделали мы. Вчера вечером. Я, Нэннеке, Трисс и Доррегарай. Нельзя же было рисковать, такой день просто обязан был быть роскошным...

Она осеклась, ткнула его коленом в бедро.

– Ведь сегодня же самый важный день в твоей жизни, глупышка.

II

Розрог, замок, возведенный на мысе посреди озера, нуждался в изрядном ремонте как снаружи, так и внутри, причем не со вчерашнего дня. Говоря осторожно, Розрог был развалиной, бесформенным нагромождением камней, густо поросшим плющом, вьюнком и традесканцией. Развалиной, окруженной озерами, болотами и трясиными, кишмя кишевшими лягушками, ужами и черепахами. Он был развалиной уже в то время, когда его подарили королю Хервигу. Замок Розрог и окружающая его местность были чем-то вроде пожизненного приданого, прощального презента Хервигу, двенадцать лет назад отписанного племяннику Бреннаном, с тех пор именовавшимся по сему случаю Бреннаном Добрым.

Геральт познакомился с экс-королем через Лютика, поскольку трубадур навещал Розрог частенько, пользуясь тем, что Хервиг был человеком милейшим и привечавшим гостей хозяином. О Хервиге и его, с позволения сказать, «замке» вспомнил именно Лютик, когда все позиции из разработанного ведьмаком перечня Йеннифэр отвергла как неподходящие. О диво, с Розрогом чародейка согласилась немедленно и не крутя при этом носом.

Так и получилось, что свадьба Геральта и Йеннифэр должна была состояться в замке Розрог.

III

Вначале предполагалось, что свадьба будет скромной и неформальной, но со временем стало ясно, что такое по множеству причин невозможно. Тогда потребовался человек с организаторскими талантами. Йеннифэр, естественно, отказалась. Ей, видите ли, не пристало организовывать собственную свадьбу. Геральт и Цири, не говоря уж о Лютике, никакими способностями такого рода не отличались. Поэтому дело доверили Нэннеке, жрице и первосвященнице богини Мелитэле из Элландера. Нэннеке прибыла немедленно, прихватив с собой двух жриц, Иоло и Эурнэйд.

И дело сдвинулось с мертвой точки.

IV

– Нет, Геральт. – Нэннеке надулась и топнула ногой. – Я не беру на себя никакой ответственности ни за церемонию, ни за пиршество. Ваша развалюха, которую какой-то идиот окрестил замком, не годится никуда и ни на что. Кухня разрушена, бальная зала сойдет разве что под конюшню, а часовня... Так это вообще никакая не часовня. Ты можешь мне сказать, какого бога почитает столь любезный твоему сердцу хромоножка Хервиг?

– Насколько мне известно, никакого. Он утверждает, что религия есть мандрагора для народа.

– Так я и знала, – проговорила жрица, не скрывая презрения. – В часовне нет ни одной статуэтки, там вообще нет ничего, если не считать мышиных... какашек. К тому же здесь на сто с гаком стае вокруг ни души. Геральт, почему вы не хотите сыграть свадьбу в Венгерберге, в цивилизованном месте?

– Ты же знаешь, Йеннифэр – квартеронка, а в твоих «цивилизованных местах» на смешанные браки смотрят косо.

– О Великая Мелитэле! Что значит четвертая часть эльфийской крови? Да почти в каждом из нас есть примесь крови Старшего Народа! Идиотский предрассудок, и ничего больше!

– Не я его придумал.

V

Список гостей – не очень длинный – нареченные составляли вместе, а приглашениями должен был заняться Лютик. Вскоре оказалось, что трубадур список потерял, причем еще до того, как успел прочесть. Устыдившись, он не признался в содеянном и пошел другим путем: пригласил кого только мог. Конечно, Лютик знал Геральта и Йеннифэр достаточно хорошо, чтобы не упустить никого существенного, однако бард не был бы собою, если бы не обогатил перечень поразительным количеством гостей совершенно случайных.

Итак, явился старый Весемир из Каэр-Морхена, воспитатель Геральта, на пару с ведьмаком Эскем, с которым Геральт дружил с малых лет.

Прибыл друид Мышовур в обществе загорелой блондинки по имени Фрея, которая была выше него на голову и моложе лет на сто. Им сопутствовал ярл Крах ан Крайт со Скеллиге в сопровождении сыновей Рагнара и Локи. Когда Рагнар садился на лошадь, его ноги почти касались земли, а Локи напоминал филигранного эльфа. Ничего странного в этом не было: Рагнар и Локи были братьями сводными, сыновьями разных наложниц ярла.

Явился войт Кальдемейн из Блавикена с дочкой Анникой, весьма привлекательной, но чудовищно робкой девицей.

Прибыл краснолюд Ярпен Зигрин, как ни странно, один, без команды бородатых бандитов, которых он именовал «ребята». По дороге к Ярпену присоединился эльф Хиреадан, особа хоть и не очень ясного, но, несомненно, высокого положения среди Старшего Народа, эскортируемый несколькими никому не известными молчаливыми эльфами.

Прибыла также неумолчная орава низушков, из которых Геральт знал только Даинти Бивервельта, фермера из Почечуева Лога, и – понаслышке – его ворчливую супругу Гардению. Был в группе низушков один низушек, который низушком не был, – известный предприниматель и купец Тельико Луннгревинк Леторт из Новиграда, полиморфный доплер, скрывавшийся под внешностью

низушка и псевдонимом Дуду.

Явился барон Фрейксенет из Брокилона с женой, красавицей дриадой Браэнн, и пятью дочками: Моренн, Цириллой, Моной, Эитнэ и Ньюной. Моренн выглядела лет на пятнадцать, а Ньюна на пять. Все огненно-рыжие, хотя у Фрейксенета волосы были черные, а у Браэнн медово-золотые. Браэнн была уже не на первом месяце беременности. Фрейксенет серьезно утверждал, что на сей-то раз, несомненно, будет сын, а ватага его рыжих дриад переглядывалась и хохотала, Браэнн же, чуточку улыбаясь, добавляла, что «сына» будут звать Мелисса.

Прибыл однорукий Ярре, юный жрец и хроникер из Элландера, воспитанник Нэннеке. В принципе Ярре прибыл из-за Цири, которой здорово симпатизировал, если не сказать больше. Цири же, казалось, совершенно не обращала внимания на однорукого калеку и его неуклюжие ухаживания, что повергало в отчаяние Нэннеке, симпатизирующую Ярре.

Перечень неожиданных гостей открывал князь Агловаль из Бремервоорда, прибытие которого граничило с чудом, ибо князь и Геральт искренне не переваривали друг друга. Еще удивительнее было то, что Агловаль явился с супругой, сиреной Ш'ееназ. Ш'ееназ некогда ради князя пожертвовала своим рыбьим хвостом в пользу двух невероятно красивых ног, но известна была в основном тем, что никогда не удалялась от морского побережья, потому что суша вызывала у нее страх.

Мало кто ожидал прибытия других коронованных особ, да никто их и не приглашал. Несмотря на это, монархи прислали поздравительные адреса, подарки, послов – либо все вместе взятое. При этом короли скорее всего сговорились, поскольку послы ехали группой и по дороге успели подружиться. Рыцарь Ив представлял короля Этайна, окружной голова Суливой – короля Вензлава, сир Матольм – короля Сигизмунда, а сир Деверо – королеву Адду, бывшую упыриху.

Поездка, похоже, была веселой, ибо у Ива оказалась рассечена губа, Суливой держал руку на перевязи, Матольм прихрамывал, а Деверо так мучился с похмелья, что едва держался в седле.

Никто не приглашал золотого дракона Виллентретенмерта, ибо никто не знал, во-первых, как его приглашать, и, во-вторых, где искать. К всеобщему

удивлению, дракон явился, разумеется, инкогнито, под видом и телом рыцаря Борха и гербом «Три Галки». Там, где находился Лютик, ни о каком инкогнито, само собой, не могло быть и речи, однако мало кто всерьез верил, когда поэт указывал на курчавого рыцаря и утверждал, что это дракон.

Никто также не приглашал и не ожидал колоритной братии, именовавшей себя «друзьями и сподвижниками» Лютика. В основном это были поэты, музыканты и трубадуры, а как приложение к ним – акробат, профессиональный игрок в кости, дрессировщица крокодилов и четыре живописные девочки, из которых три очень смахивали на распутниц, а четвертая, которая на распутницу не смахивала, таковой была несомненно. Группу дополняли два пророка (из них один – лже), один резчик по мрамору, один светловолосый и вечно пьяный медиум женского пола и один рябой гном, утверждавший, что его зовут Шуттенбах.

На магическом корабле-амфибии, напоминавшем помесь лебедя с огромной подушкой, прибыли чародеи. Их было в четыре раза меньше, чем приглашали, и в два раза больше, нежели реально ожидали, поскольку «однополчане» Йеннифэр, как несла молва, не одобряли ее связь с мужчиной «вне клана», к тому же ведьмаком. Часть магигов просто проигнорировала приглашение, часть отговорила недостатком времени и необходимостью присутствовать на ежегодном всемирном симпозиуме чародеев, так что на борту «Гусака на воздушной подушке», как назвал корабль далекий от лирики Крах ан Крайт, или «Лебедушки», как его же назвал далекий от техники Лютик, прибыли только Доррегарай из Воле и Радклифф из Оксенфурта.

И была Трисс Меригольд с волосами цвета октябрьского каштана.

VI

– Ты пригласил Трисс Меригольд?

– Нет, – покрутил головой ведьмак, весьма довольный тем, что мутация кровеносных сосудов не позволяет ему покраснеть. – Не я. Подозреваю Лютика, хотя все они утверждают, что о свадьбе узнали из магических кристаллов.

– Я не желаю видеть Трисс на моей свадьбе!

– Почему? Это же твоя подруга.

– Не делай из меня идиотки, ведьмак! Все знают, что ты с ней спал.

– Неправда!

Йеннифэр опасно прищурила фиолетовые глаза:

– Правда!

– Неправда!

– Правда!

– Ну хорошо, – отвернулся он, – правда. И что с того?

Чародейка немного помолчала, поигрывая обсидиановой звездой, пришпиленной к черной бархотке на шее...

– Ничего, – сказала она наконец. – Но я хотела, чтобы ты признался. Никогда не пытайся лгать мне, Геральт. Никогда.

VII

От стены шел запах мокрых камней и кислых сорняков, солнце освещало бурую воду защитного рва, проявляло теплую зелень покрывавшей дно тины и яркую желтизну плавающих по поверхности кувшинок.

Замок понемногу оживал. В западном крыле кто-то хлопнул ставней и рассмеялся. Кто-то слабым голосом домогался капустного рассола. Один из гостивших в Розроге коллег Лютика, невидимый, брился, напевая:

Кабы мне бы да женицца,

Вот бы я бы был бы рад!

Я бы, значить, стал бы брицца

Каждый день пять раз подряд!

Скрипнула дверь, во двор вышел Лютик, потягиваясь и разглаживая физиономию.

– Как дела, жених? – проговорил он томным голосом. – Если намерен смыться, то сейчас самое время.

– Ранняя ты пташка, Лютик.

– Я вообще не ложился, – проямлил поэт, присаживаясь рядом с ведьмаком на каменную скамеечку и откидываясь на заросшую традесканцией стену. – О боги, это была тяжкая ночь. Но ничего не поделаешь – не каждый день женятся твои друзья. Надо было как-то это отметить.

– Свадебное пиршество – сегодня, – напомнил Геральт. – Выдержишь?

– Обижаешь, ведьмак!

Солнце грело, птицы верещали в кустах. От озера доносились пiski и плески. Моренн, Цирилла, Эитнэ, Мона и Ньюна, рыжие дриады, дочери Фрейксенета, купались, как обычно, голышом в обществе Трисс Меригольд и Фреи, подружки Мышовура. Наверху, на полуразрушенных зубцах крепостной стены, вырывали друг у друга из рук подозрную трубу королевские послы: рыцарь Ив, Суливой, Матольм и Деверо.

– Хорошо хоть отмечали-то, Лютик?

– Лучше не спрашивай.

– Скандал?

– И не один.

Первый скандал, поведал поэт, возник на расовой почве. Тельико Луннгревинк Леторт в разгар веселья неожиданно заявил, что ему осточертело, как он выразился, «носить шкуру низушка». Указав пальцем на находившихся в тот момент в зале дриад, эльфов, хоббитов, сирену Ш'ееназ, краснолюдов и гнома, который утверждал, что он Персиваль Шуттенбах, доплер почел за дискриминацию тот факт, что все они могут быть собою, и только он, Тельико, вынужден наряжаться в чужие перья. И тут же принял – на минутку – свой естественный облик. Увидев это, Гардения Бибервельт грохнулась в обморок, князь Агловаль опасно подавился судакон, а с Анникой, дочкой войта Кальдемейна, случилась истерика. Ситуацию спас дракон Виллентретенмерт, который все еще выглядел рыцарем Борхом Три Галки, спокойно пояснивший доплеру, что полиморфизм, то бишь сменноформенность, есть свойство, кое обязывает. Обязывает оно, в частности, принимать формы, которые большая часть общества одобряет и считает обычными, и что все это не что иное, как нормальная вежливость по отношению к хозяевам. Доплер обвинил Виллентретенмерта в расизме, шовинизме и отсутствии элементарных понятий о предмете дискуссии. Задетый за живое Виллентретенмерт на минутку – следуя примеру доплера – принял присущую ему внешность дракона, переломав при этом часть мебели и вызвав всеобщую панику. Когда гости успокоились, разгорелся острый спор, в котором люди и нелюди осыпали друг друга примерами отсутствия терпимости и расовых предубеждений. Достаточно неожиданным моментом в дискуссии оказался голос веснушчатой Мэрле, распутницы, которая на распутницу не походила. Мэрле заявила, что весь этот спор глуп, беспредметен и не имеет отношения к истинным профессионалам, которые знать не желают, что такое предубеждения, и что она лично готова немедленно доказать сказанное за соответствующее вознаграждение, вот хотя бы с драконом Виллентретенмертом в его естественном виде. В наступившей тишине послышался голос медиума женского пола, заявившего, что он может доказать то же самое задаром. Виллентретенмерт быстренько сменил тему, и компания принялась обсуждать более безопасные проблемы, а именно экономию, политику, охоту, рыболовство и азарт.

Остальные скандалы имели скорее дружеский характер. Мышовур, Радклифф и Доррегарай поспорили о том, кто из них силой воли заставит одновременно левитировать больше предметов. Выиграл Доррегарай, удерживавший в воздухе два стула, поднос с фруктами, супницу с супом, глобус, кошку, двух собак и Ньюну, младшую дочку Фрейксенета и Браэнн.

Потом Цирилла и Мона, две средние дочери Фрейксенета, подрались, и их пришлось выдворять из зала. Затем сцепились Рагнар и рыцарь Матольм, причем

поводом к ссоре оказалась Моренн, старшая дочь Фрейксенета. Занервничавший Фрейксенет велел Браэнн запереть в комнатах всех своих рыжих барышень, а сам присоединился к состязанию под девизом «кто кого перепьет», который организовала Фрея, подружка Мышовура. Вскоре оказалось, что у Фрей невообразимая, граничащая с абсолютной, сопротивляемость алкоголю. Большинство поэтов и бардов, друзей Лютика, вскоре оказались под столом. Фрейксенет, Крах ан Крайт и войт Кальдемейн храбро боролись, но вынуждены были сдаться. Чародей Радклифф твердо держался до того момента, пока не выяснилось, что он шельмовал – у него обнаружили рог единорога. Как только оружие шельмовства отобрали, Радклифф утратил даже минимальные шансы перепить Фрею. Вскоре занятый островитянкой угол стола совершенно опустел – какое-то время с ней еще пил никому не известный бледный мужчина в старомодном камзоле. Спустя несколько минут бледный мужчина встал, покачнулся, отвесил галантный поклон и удалился, пройдя сквозь стену, как сквозь туман. Осмотр украшающих зал древних портретов позволил установить, что бледный мужчина – Виллем по прозвищу Добрый, один из бывших владельцев Розрога, получивший смертельный удар стилетом во время дружеской попойки несколько сотен лет тому назад.

Стародавний замчище скрывал в себе многочисленные тайны и пользовался в прошлом достаточно дурной славой, так что не обошлось без дальнейших событий сверхъестественного характера. Около полуночи в раскрытое окно влетел вампир, но краснолюд Ярпен Зигрин изгнал кровопийцу, дохнув на него смесью водки и чеснока. Все время что-то подвывало, стеноло и гремело цепями, но никто не обращал на эти звуки внимания, считая, что это изгаляются Лютик и его немногие еще трезвые соратники. Однако это, по-видимому, были все же духи, ибо на ступенях обнаружилось множество эктоплазмы – некоторые из гостей поскользнулись и набили себе шишки и синяки.

Пределы приличия преступил взъерошенный и огненноокий призрак, ущипнувший из укрытия за ягодицу сирену Ш'ееназ. Скандал удалось замять с трудом, потому что Ш'ееназ думала, что виновником был Лютик. Призрак, воспользовавшись всеобщим замешательством, бегал по залу и щипал кого ни попадя, но Нэннеке углядела его и изгнала при помощи экзорцизмов.

Нескольким гостям явилась Белая Дама, которую, если верить легенде, некогда живьем замуровали в подземельях Розрога. Однако нашлись скептики, утверждавшие, что никакая это не Белая Дама, а медиум женского пола, слонявшийся по галереям в поисках чего-нибудь спиртного.

Потом началось всеобщее исчезновение. Первыми исчезли рыцарь Ив и дрессировщица крокодилов. Затем сгинули Рагнар и Эурнэйд, жрица Мелитэле. Вслед за ними исчезла Гардения Бибервельт, но оказалось, что она просто пошла спать. Неожиданно выяснилось, что недостает однорукого Ярре и Иоли, второй жрицы Мелитэле. Цири, которая утверждала, что Ярре ей совершенно безразличен, проявила некоторую обеспокоенность, но тут было установлено, что Ярре вышел по нужде и свалился в неглубокий ров, где и уснул, а Иолю обнаружили под лестницей с эльфом Хиреаданом.

Замечены были также Трисс Меригольд с ведьмаком Эскем из Каэр-Морхена, пробиравшиеся в парковую беседку, а под утро кто-то сообщил, что из беседки выходит доплер Тельико. Все терялись в догадках: чью форму принял доплер – Трисс или Эскея? Кто-то даже рискнул предположить, что в замке могут быть два доплера. Хотели узнать на сей счет мнение дракона Виллентретенмерта как специалиста по полиморфизму, но оказалось, что дракон исчез, а вместе с ним и распутница Мэрле.

Куда-то подевались вторая распутница и один из пророков. Неисчезнувший пророк утверждал, что он – не лже, но доказать сказанного не сумел.

Пропал след также выдающего себя за Шуттенбаха гнома, и его не отыскиали до сих пор.

– Жаль, – докончил бард, широко зевая. – Жаль, тебя при этом не было, Геральт. Отмечали, что надо!

– Ага, жаль, – буркнул ведьмак. – Но знаешь... Я не мог, потому что Йеннифэр... Сам понимаешь...

– Конечно, понимаю, – изрек Лютик. – Потому и не женюсь.

VIII

Из замковой кухни доносились звон котлов, веселый смех и песенки. Насытить всю ораву гостей оказалось делом нелегким, так как у короля Хервига никакой прислуги не было. Присутствие чародеев проблемы также не снимало, поскольку в результате консенсуса было решено питаться естественным путем

и отказаться от кулинарных волшебств. Все кончилось тем, что Нэннеке загоняла на работу кого только могла. Вначале это было нелегко: те, кого жрица ухватила, в кухонных делах, как она выразилась, «не секли», а те, которые «секли», сбежали. Однако Нэннеке отыскала неожиданную подмогу в лице Гардении Бибервельт и хоббинок из ее свиты. Понятливыми и прекрасными кухарками оказались, о диво, все четыре распутницы из группы Лютика.

Со снабжением хлопот было поменьше, Фрейксенет и князь Агловаль организовали охоту и поставили к столу достаточно много крупной дичи. Браэнн и ее дочери за два часа забили кухню дикой птицей. Даже самая младшая из дриад, Ньюна, на удивление ловко управлялась с луком. Король Хервиг, обожавший рыбачество, на заре выплывал на озеро и привозил щук, судаков и огромных окуней. Обычно его сопровождал Локи, младший сын Краха ан Крайта. Локи знал толк в рыбачестве и лодках, а кроме того, бывал достижим на рассвете, поскольку, как и Хервиг, не пил.

Даинти Бибервельт, низушек, и его родственники не без помощи допплера Тельико, занимались украшательством залы и комнат. Подметать и мыть полы загнали обоих пророков, дрессировщицу крокодилов, резчика по мрамору и непросыхающего медиума женского пола.

Присмотр за подвалом и напитками вначале поручили Лютику и его коллегам-поэтам, но это оказалось страшной ошибкой. Поэтому бардов изгнали, а ключи передали Фрее, подружке Мышовура. Лютик и поэты целыми днями просиживали у дверей в подвальчик и пытались всколыхнуть Фрею любовными балладами, к которым, однако, у островитянки оказался столь же устойчивый иммунитет и сопротивляемость, как и к алкоголю.

Геральт, вырванный из дремы звоном копыт по камням двора, поднял голову. Из-за прильнувших к стене кустов появилась блестящая от воды Кэльпи с Цири в седле. На Цири был ее любимый черный костюм, а за спиной – меч, славный гвихир, добытый в пустынных катакомбах Кората.

Несколько секунд ведьмак и девушка молча глядели друг на друга, потом Цири тронула кобылу пяткой, подъехала ближе. Кэльпи наклонила голову, пытаясь дотянуться до ведьмака зубами, но Цири сдержала ее, резко натянув поводья.

– Значит, сегодня, – проговорила ведьмачка, не слезая с лошади. – Сегодня, Геральт.

– Сегодня, – подтвердил он, откинувшись к стене.

– Я рада, – неуверенно сказала она. – Думаю... Нет, уверена, что вы будете счастливы, и рада этому...

– Слезь, Цири. Поговорим.

Девушка покачала головой, отбросила волосы назад, за ухо. На мгновение мелькнул большой, некрасивый шрам на щеке – память о тех страшных днях. Цири отрастила волосы до плеч и зачесывала их так, чтобы скрыть шрам, но порой забывала об этом.

– Уезжаю, Геральт, – сказала она. – Сразу после торжеств.

– Слезь, Цири.

Ведьмачка спрыгнула с седла, присела рядом. Геральт обнял ее. Цири прижалась к его плечу головой.

– Уезжаю.

Он молчал. Слова так и просились на язык, но не было среди тех слов ни одного, которое он мог бы считать подходящим. Нужным. И он молчал.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – медленно сказала Цири. – Ты думаешь, что я убегая. Ты прав.

Он молчал. Он знал.

– Наконец-то, после стольких лет, вы вместе, Йен и ты... Вы заслужили счастье и покой. Дом. Но меня это пугает. Поэтому я... убегая.

Он молчал. Он думал о том, сколько раз убегал сам.

– Отправляюсь сразу после торжеств, – повторила Цири. – Хочу снова видеть звезды над большаком, хочу насвистывать среди ночи баллады Лютика и жажду борьбы и пляски с мечом, жажду риска, жажду наслаждения, которое дает победа. И жажду одиночества. Ты меня понимаешь?

– Конечно, понимаю, Цири. Ты – моя дочь, ты – ведьмачка. Ты поступишь так, как должна поступить. Но одно я обязан тебе сказать. Одно. Ты не убежишь, хоть все время будешь убегать.

– Знаю. – Она прижалась крепче. – Я все еще надеюсь, что когда-нибудь... Если я подожду, если наберусь терпения, то и для меня когда-нибудь настанет такой прекрасный день... Такой прекрасный день... Хотя...

– Что, Цири?

– Я никогда не была красивой. А с этим шрамом...

– Цири, – не дал он ей досказать. – Ты самая прекрасная девушка в мире. Конечно, после Йен.

– Ох, Геральт...

– Если не веришь, спроси Лютика.

– Ох, Геральт.

– Куда?..

– На юг, – прервала она, отворачиваясь. – Страна еще дымит там после войны, идет восстановление, люди бьются за выживание. Им необходимы защита и охрана. Я пригожусь. И еще есть пустыня Корат... есть еще Нильфгаард. Там у меня свои счета. Там еще надо кое-что подравнять, гвихиру и мне...

Она замолчала, лицо стало жестким, зеленые глаза сузились, губы искривила злая гримаса. «Помню, – подумал Геральт. – Помню». Да. Это было тогда, на скользких от крови ступенях замка Рыс-Рун, когда они дрались плечом к плечу, он и она. Волк и Кошка, две машины для убийства, нечеловечески

быстрые и нечеловечески жестокие, доведенные до крайности, разъяренные, прижатые к стене. Да, тогда нильфгаардцы, смятые ужасом, отступили, преследуемые сверком и свистом их клинков, а они медленно пошли вниз, вниз по ступеням замка Рыс-Рун, скользким от крови. Пошли, поддерживая друг друга, связанные, а перед ними двигалась смерть, смерть, воплотившаяся в два блестящих лезвия мечей. Холодный, спокойный Волк и сумасшедшая Кошка. Просверк мечей, крик, кровь, смерть... Да, это было тогда... Тогда.

Цири снова откинула волосы, и, скрытая раньше пепельными прядями, блеснула серебряной белизной широкая полоска у виска.

Тогда у нее поседели волосы.

– Там у меня свои счета, – прошипела она. – За Мистле. За мою Мистле. Я отомстила за нее, но одной смерти за Мистле мало...

«Бонарт, – подумал Геральт. – Она убила его, ненавидя. Ох, Цири, Цири. Ты стоишь над пропастью, доченька. За твою Мистле мало и тысячи смертей. Берегись ненависти, Цири, она пожирает как рак».

– Береги себя, – шепнул он.

– Предпочитаю, чтобы береглись другие, – зловеще усмехнулась она. – Это гораздо важнее... По большому счету.

«Я уже никогда не увижу ее, – подумал он. – Если она уедет, я ее уже никогда не увижу».

– Увидишь, – сказала она и улыбнулась, и была это улыбка чародейки, а не ведьмачки. – Увидишь, Геральт.

Она вдруг вскочила, высокая и худощавая, как мальчишка, но ловкая, как танцорка. Одним прыжком влетела в седло.

– Йаааа, Кэльпи!!!

Из-под копыт кобылы брызнули искры, выбитые подковами.

Из-за угла стены высунулся Лютик с перевешенной через плечо лютней и двумя огромными кубками пива в руках.

– Получи и напейся, – сказал он, присаживаясь рядом. – Это поможет.

– Не знаю. Йеннифэр пообещала, что если от меня будет нести...

– Пожуеть петрушки. Пей, подкаблучник.

Долгое время они сидели молча, медленно прихлебывая из кубков. Наконец Лютик вздохнул:

– Цири уезжает, верно?

– Да.

– Я так и знал. Слушай, Геральт...

– Помолчи, Лютик.

– Ну, ну.

Они молчали снова. Из кухни тянуло ароматом жареной дичи, крепко приправленной можжевельником.

– Что-то кончается, – с трудом проговорил Геральт. – Что-то кончается, Лютик.

– Нет, – возразил поэт. – Что-то начинается.

IX

Послеобеденное время прошло под знаком всеобщего плача. Началось с эликсира красоты. Эликсир, а точнее – мазь, именуемая «феенглянцем», а на Старшей Речи – «гламарией», и изготавливаемая из мандрагоры, если ею умело пользоваться, удивительно подправляла красоту. По просьбе гостей

в замке дам Трисс Меригольд приготовила достаточное количество гламари, и дамы приступили к косметическим священнодействиям. Из-за запертых дверей комнат доносились всхлипывания Цириллы, Моны, Эитнэ и Ньюни, которым гламарией пользоваться запретили – такой чести удостоилась лишь самая старшая дриада, Моренн. Громче всех ревела Ньюна.

Этажом выше всхлипывала Лили, дочка Даинти Бибервельта, так как оказалось, что гламария, как и большинство чар, вообще не действует на хоббиток и низушек. В саду, в кустах терновника, лил горькие слезы медиум женского пола, не знавший, что гламария приводит к мгновенному отрезвлению и сопутствующим оному явлениям, в частности, глубокой меланхолии. В западном крыле замка плакала Анника, дочка войта Кальдемейна, которая, не зная, что гламарию надлежит втирать под глаза, съела свою часть, и у нее открылся понос. Цири получила свою порцию гламари и натерла ею Кэльпи. Кэльпи залоснилась еще крепче.

Немного поплакали также жрицы Иоля и Эурнэйд, так как Йеннифэр категорически отказалась надевать сшитое ими белое платье. Не помогло вмешательство Нэннеке. Йеннифэр сквернословила, кидалась разными предметами и заклинаниями, повторяя, что в белом она выглядит как затюканная шлюха. Нервничающая Нэннеке тоже принялась кричать, обвиняя чародейку в том, что та-де ведет себя хуже, чем три затюканные шлюхи, вместе взятые. В ответ Йеннифэр пустила в дело шаровую молнию и раздолбала крышу на угловой башне, что, впрочем, имело свою хорошую сторону – грохот был столь ужасен, что от неожиданного шока у дочки Кальдемейна прошел понос. К счастью, не начался запор.

Снова видели Трисс Меригольд с ведьмаком Эскем из Каэр-Морхена, которые, нежно обнявшись, втихую прошмыгнули в парковую беседку. На сей раз никто не сомневался в том, что это были они сами, поскольку доплер Тельико в это время пил пиво в обществе Лютика, Даинти Бибервельта и дракона Виллентретенмерта.

Несмотря на активные поиски, не удалось отыскать гнома, откликавшегося на имя Шуттенбах.

– Йен...

Она выглядела изумительно. Черные, искрящиеся, схваченные золотой диадемой волосы ниспадали блестящими волнами на плечи и высокий воротничок длинного парчового белого платья с черно-полосатыми буфастыми рукавами, стянутого в талии невероятным количеством драпировок и лиловых ленточек.

– Цветы, не забудь о цветах, – сказала Трисс Меригольд, вся в глубоко-голубом, вручая невесте букет белых роз. – Ох, Йен, как я рада...

– Трисс, милая, – неожиданно всхлипнула Йеннифэр, и чародейки осторожно обнялись и чмокнули воздух друг у друга около ушей и бриллиантовых сережек.

– Ну, хватит нежностей, – сказала Нэннеке, разглаживая на себе складки снежно-белого одеяния жрицы. – Идем в часовню. Иоля, Эурнэйд, поддержите ей шлейф, иначе она свалится с лестницы.

Йеннифэр подошла к Геральту и рукой в белой перчатке подправила ему воротник черного, обшитого серебряными галунами кафтана. Ведьмак подал ей руку крендельком.

– Геральт, – шепнула она ему рядом с ухом, – я все еще не могу поверить...

– Йен, – ответил он тоже шепотом. – Я люблю тебя.

– Знаю.

XI

– Где, черт побери, Хервиг?

– Понятия не имею, – сказал Лютик, надраивая рукавом застёжки модной курточки верескового цвета. – А Цири?

– Не знаю, – поморщилась Йеннифэр и потянула носом. – Ну и воняет же от тебя петрушкой. Слушай, Лютик, ты что, решил стать вегетарианцем?

Гости сходились, понемногу заполняя просторную часовню. Агловаль, весь в церемониально-черном, вел бело-салатную Ш’ееназ, рядом с ними двигалась группа низушек и низушков в коричневом, бежевом и охряном, Ярпен Зигрин и дракон Виллентретенмерт, оба переливающиеся золотом, Фрейксенет и Доррегарай в фиолетовом, королевские послы в геральдических цветах, эльфы и дриады в зеленом и знакомые Лютика кто в чем попало, мерцающие всеми цветами радуги.

– Кто-нибудь видел Локи? – спросил Мышовур.

– Локи? – Эскель подошел, глянул на них из-за фазаньих перьев, украшающих берет. – Локи был с Хервигом на рыбалке. Я видел их в лодке на озере. Цири поехала туда, чтобы сказать, что мы начинаем.

– Давно?

– Давно.

– Чтоб их зараза взяла, сраных рыбарей, – выругался Крах ан Крайт. – Когда у них рыба клюет, они забывают о Божьем свете. Рагнар, сгоняй за ними.

– Погоди, – сказала Браэнн, стряхивая одуванчик с глубокого выреза декольте. – Тут нужен кто-то побыстрее. Мона, Ньюна! Roenn’ess aen laske, va!

– Я же говорила, – фыркнула Нэннеке, – что на Хервига рассчитывать нельзя. Безответственный дурак, как и все атеисты. Кому взбрело в голову именно ему поручить роль церемониймейстера?

– Он король, – неуверенно сказал Геральт, – хоть и бывший, но король...

– Сто лет, сто лет! – неожиданно завел один из пророков, но дрессировщица крокодилов уладила его шлепком по шее. В группке низушков закипело, кто-то выругался, кто-то отхватил тумака, Гардения Бибервельт взвизгнула, потому что доплер Тельико наступил ей на платье. Медиум женского пола принялся

совершенно без причины всхлипывать.

– Еще минута, – прошипела Йеннифэр сквозь мило улыбающиеся губы, сминая букет, – еще минута – и меня хватит кондрашка. Да начинайте же, наконец. И кончайте же, наконец, поскорее.

– Не вертись, Йен, – проворчала Трисс. – Шлейф оторвешь.

– Где гном Шуттенбах? – крикнул кто-то из поэтов.

– Понятия не имеем! – хором ответили четыре распутницы.

– Так поищите же его кто-нибудь, черт побери, – крикнул Лютик. – Он обещал нарвать цветов! И как же теперь? Ни Шуттенбаха, ни цветов! И как мы выглядим, я вас спрашиваю?

У входа в часовню возникло движение, и внутрь вбежали обе высланные к озеру дриады, тонко крича, а следом за ними влетел Локи, весь в воде и тине, с кровоточащей раной на лбу.

– Локи! – крикнул Крах ан Крайт. – Что с тобой?

– Мааамаа! – разревелась Ньюна.

– Que'ss aen? – Браэнн подскочила к дочерям, трясась и от волнения переходя на диалект брокилонских дриад. – Que'ss aen? Que suecc'ss feal, caer me?

– Он перевернул нашу лодку, – выдохнул Локи. – У самого берега. Страшное чудовище! Я ударил его веслом, но он перегрыз! Перегрыз весло!

– Кто? Что?

– Геральт! – крикнула Браэнн. – Геральт, Мона говорит, что это цинерия!

– Жиритва! – рявкнул ведьмак. – Эскель, тащи сюда мой меч!

– Моя палочка! – крикнул Доррегарай. – Радклифф! Где моя волшебная палочка?

– Цири! – закричал Локи, стирая кровь со лба. – Цири с ним бьется, с чудовищем этим!

– Дьявольщина! Цири против жиритвы не устоит! Эскель, лошадь!

– Погодите! – Йеннифэр сорвала диадему с волос и бросила на пол. – Мы телепортируем вас! Так будет скорее! Доррегарай, Трисс, Радклифф! Давайте руки...

Все умолкли, а потом громко закричали. В дверях часовни стоял король Хервиг, мокрый с головы до ног, но целый. Рядом с ним стоял молоденький парнишка в блестящих доспехах странной конструкции и с непокрытой головой. А следом за ним вошла Цири. Вся испачканная грязью, растрепанная, с гвихиром в руке. Поперек ее щеки, от виска до подбородка, шла глубокая, отвратительная рана, сильно кровоточащая сквозь прижатый к лицу оторванный рукав рубашки.

– Цири!!!

– Я убила ее, – невнятно проговорила ведьмачка. – Я разделала ей башку.

Она покачнулась. Геральт, Эскель и Лютик подхватили ее, подняли. Цири не выпустила меч.

– Опять, – простонал поэт. – Опять она получила прямо по мордашке... Что за чертовы неудачи преследуют эту девочку...

Йеннифэр громко застонала, подбежала к Цири, оттолкнула Ярре, который со своей одной рукой только мешался. Не обращая внимания на то, что смешанная с тиной и водой кровь пачкает и портит ей платье, чародейка приложила ведьмачке пальцы к лицу и выкрикнула заклинание. Геральту почудилось, что весь замок задрожал, а солнце на секунду пригасло.

Йеннифэр отняла руку от лица Цири, и часовню заполнил вздох изумления – безобразная рана превратилась в тонюсенькую красную черточку, помеченную несколькими маленькими капельками крови. Цири повисла в держащих ее руках.

– Bravo, – проговорил Доррегарай. – Рука мастера.

– Мое восхищение, Йен, – глухо проговорила Трисс, а Нэннеке расплакалась.

Йеннифэр улыбнулась, закатила глаза и потеряла сознание. Геральт успел подхватить ее прежде, чем она опустилась на пол, обмякая как шелковая ленточка.

XII

– Спокойнее, Геральт, – сказала Нэннеке. – Без нервов. Это сейчас пройдет. Она перетрудилась, вот и все. К тому же эмоции... Она очень любит Цири, ты же знаешь.

– Знаю. – Геральт поднял голову, поглядел на стоящего в дверях комнаты паренька в блестящих доспехах. – Послушай, сынок, возвращайся в часовню. Тут ты не нужен. Кстати, так, между нами, кто ты такой?

– Я... Я Галахад, – прошептал рыцарек. – Могу ли я... Дозволено ли мне спросить, как чувствует себя прекрасная и мужественная девушка?

– Которая? – улыбнулся ведьмак. – Есть две прекрасные, мужественные и женственные девушки. Кстати, одна из них девушка по чистой случайности. Которая тебя интересуется?

– Та, что моложе, – сказал юноша, заметно покраснев. – Та, которая не колеблясь кинулась спасти Короля-Рыбака.

– Кого?

– Он имеет в виду Хервига, – вставила Нэннеке. – Жиритва напала на лодку, из которой Хервиг и Локи ловили рыбу. Цири бросилась на жиритву, а этот юноша, который случайно оказался рядом, поспешил ей на помощь.

– Ты помог Цири. – Ведьмак посмотрел на рыцарьку внимательней и доброжелательней. – Как, говоришь, тебя зовут? Я запомню.

– Галахад. А это – Авалон, замок Короля-Рыбака?

Дверь распахнулась, там стояла Йеннифэр, немного бледноватая, поддерживаемая Трисс Меригольд.

– Йен!

– Мы идем в часовню, – известила тихим голосом чародейка. – Гости заждались.

– Йен... может, отложим?

– Я стану твоей женой, даже если меня черти в ад поволокут! И стану немедленно!

– А Цири?

– Что Цири, – выглянула из-за спины Йеннифэр ведьмачка, втирая гламарию в относительно здоровую щеку. – Все в порядке, Геральт. Ерундовая царапина, я даже не почувствовала.

Галахад, скрипя и позвякивая доспехами, опустился, точнее – повалился на одно колено.

– Прекрасная дама...

Огромные глаза Цири сделались еще огромнее.

– Послушай, Цири, – сказал ведьмак. – Это рыцарь... хм... Галахад. Вы уже знакомы. Он помог тебе, когда ты дралась с жиритвой.

Цири залилась румянцем. Гламария начинала действовать, поэтому румянец был и вправду прекрасен, а шрама почти не было видно.

– Госпожа, – прошептал Галахад, – окажи мне честь. Позволь, о прекрасная, мне у стоп твоих...

– Насколько я знаю жизнь, он желает стать твоим рыцарем, Цири, – сказала Трисс Меригольд.

Ведьмачка заложила руки за спину и изящно сделала реверанс, все еще ничего не говоря.

– Гости ждут, – прервала Йеннифэр. – Галахад, ты, вижу, не только храбрый, но и галантный юноша. Ты дрался плечом к плечу с моей дочерью...

– Йен, – шепнул Геральт.

– С нашей дочерью, – поправилась Йеннифэр, – поэтому подашь ей руку во время церемонии. Цири, бегом переодевайся в платье. Геральт, причешись и заправь рубашку в брюки, она у тебя вылезла. Я хочу всех вас видеть в часовне через десять минут.

XIII

Свадьба прошла роскошно. Дамы и девушки сообща поплакали. Церемонией руководил Хервиг, хоть и бывший, но как-никак король. Весемир из Каэр-Морхена и Нэннеке сыграли роль посаженных родителей, а Трисс Меригольд и ведьмак Эскей – дружек. Галахад вел Цири, а Цири пылала не хуже пиона.

Все те, у кого были мечи, образовали шпалеру, коллеги Лютика бренчали на лютнях и гусях и распевали песенку, специально сложенную на этот случай, причем исполнять рефрен им помогали рыжие дочери Фрейксенета и сирена Ш'ееназ, широко известная не только шикарными ногами, но и прекрасным голосом.

Лютик произнес речь, пожелал новобрачным счастья, успехов в личной жизни, но прежде всего – удачной первой ночи, за что получил от Йеннифэр пинок по щиколотке...

Потом все устремились в тронную залу и осадили стол. Геральт и Йеннифэр, связанные по рукам шелковым шарфом, уселись на верхнем конце и улыбались оттуда, отвечая на тосты и пожелания.

Гости, в большинстве своем успевшие уже нагуляться и наобщаться прошлой ночью, вели себя сдержанно и благовоспитанно, и в течение поразительно долгого времени никто не надрался. Неожиданным исключением оказался однорукий Ярре, который быстро перебрал и не мог выносить вида Цири, горячей румянцем под умильными взглядами Галахада. Никто не исчезал, если не считать Ньюны, которую, однако, вскорости отыскали под столом, спящую на собаке.

Призракам замка Розрог прошедшая ночь тоже, видимо, далась с трудом, потому что они не проявляли признаков жизни. Исключением оказался обвешанный обрывками савана скелет, случайно выглянувший из пола за спинами Агловаля, Фрейксенета и Мышовура. Однако князь, барон и друид были заняты спором о политике и призрака не заметили. Скелет, обойденный вниманием, прошелся вдоль стола и защелкал зубами над самым ухом Трисс Меригольд. Чародейка, нежно прильнувшая к плечу Эскеля из Каэр-Морхена, изящно подняла белую рученьку и щелкнула пальцами. Костями занялись собаки.

– Да сопутствует вам великая Мелитэле, дорогие! – Нэннеке поцеловала Йеннифэр и чокнулась с Геральтом. – Безобразно много времени понадобилось вам на это, но наконец-то вы вместе. Ужасно рада, и, надеюсь, Цири не возьмет с вас примера, а если отыщет себе кого-нибудь подходящего, не станет так долго тянуть.

– Похоже, – Геральт головой указал на Галахада, не отрывавшего глаз от ведьмачки, – она уже кого-то подыскала.

– Ты об этом чуде? – удивилась Нэннеке. – О нет. Тут ничего не получится. Ты как следует рассмотрел его? Нет? Ну так посмотри, что он вытворяет. Вроде бы миндальничает с Цири, а сам все время ощупывает кубки и фужеры на столе. Согласись, это не совсем нормальное поведение для влюбленного. Меня удивляет девочка, она смотрит на него, как на картинку. Ярре – другое дело. Парень разумный, выдержанный...

– Твой разумный и выдержанный Ярре только что свалился под стол, – холодно прервала Йеннифэр. – И довольно об этом, Нэннеке. Цири идет к нам.

Пепельноволосая ведьмачка села на освобожденное Хервигом место и крепко прижалась к чародейке.

– Я уезжаю, – сказала она тихо.

– Знаю, доченька.

– Галахад... Галахад едет со мной. Не знаю зачем. Но ведь не могу же я ему запретить, правда?

– Правда. Геральт, – чародейка подняла на мужа глаза, горящие теплым фиолетом, – пройдишь вдоль стола, поболтай с гостями. Можешь выпить. Один фужер. Небольшой. А мне хотелось бы поговорить с моей... э... нашей дочерью. Как женщина с женщиной.

Ведьмак вздохнул.

За столом становилось все веселей. Компания Лютика распевала песенки, причем такие, что у Анники, дочери войта Кальдемейна, кровь прилиwała к щекам. Крепко подвыпивший дракон Виллентретенмерт обнимал еще крепче подвыпившего допплера Тельико Луннгревинка Леторта и убеждал его в том, что превращаться в князя Агловаля в целях подмены одного в ложе сирены Ш'ееназ было бы дружеской бестактностью.

Рыжие дочери Фрейксенета из кожи лезли вон, пытаясь понравиться королевским послам, а королевские послы всячески пытались нравиться дриадам, что в итоге приводило к всеобщему хаосу. Ярпен Зигрин, сопя вздернутым носом, вдалбливал Хиреадану, что, будучи ребенком, хотел быть эльфом. Мышовур долдонил, что правительство не удержится, а Агловаль – что совсем даже наоборот. При этом никто не знал, о каком правительстве идет речь. Хервиг повествовал Гардении Бибервельт об огромном карпе, которого вытянул на леску из одного-единственного конского волоса. Низушка сонно кивала головой, время от времени требуя от мужа, чтобы тот перестал хлестать водку.

По галереям бегали пророки и дрессировщица крокодилов, тщетно пытавшиеся отыскать гнома Шуттенбаха. Фрея, которой явно опротивели слабаки мужчины, активно пила с медиумом женского пола, причем обе очень серьезно и с чувством собственного достоинства молчали.

Геральт обходил стол, чокался, подставлял плечи под одобрителные похлопывания и щеки под поздравительные поцелуи. Наконец подошел к тому месту, где к покинутому Цири Галахаду подсел Лютик. Галахад, уставившись на кубок поэта, говорил, а поэт щурился и делал вид, якобы сказанное его чрезвычайно интересует. Геральт остановился за ними.

– Тогда я сел в ту лодку, – говорил Галахад, – и отплыл в туман, хотя, честно говоря, сэр Лютик, сердце замирало у меня от ужаса. И признаюсь вам, я усомнился. И подумал, что вот он пришел, мой конец, сгину как пить дать в этом тумане непроглядном... И тут взошло солнце, вода запылала, как... как золото... И явился град очам моим... Авалон. Ведь это ж Авалон, правда?

– Нет, – возразил Лютик, – неправда. Это Schwemmland, что переводится как «болото, трясина»[3 - Лютик, конечно, напутал. Schwemmland (нем.) вовсе не «болото», а «наносная земля, наносный грунт». – Примеч. пер.]. Пей, Галахадик.

– А замок? Это же замок Монсальват?

– Ни в коем разе. Это Розрог. Никогда я не слышал, сынок, о замке Монсальват. А уж если я о чем-то не слышал, значит, ничего такого не существует и не существовало. За здоровье молодых, сынок!

– За здоровье, сэр Лютик. Но все-таки этот король... Не Король ли он Рыбак?

– Хервиг? Точно, рыбачить любит. Раньше любил охотиться, но после того, как его охроматили в бою под Ортом, он не может ездить верхом. Только не называй его Королем-Рыбаком, Галахад. Во?первых, это звучит весьма глупо, а во?вторых, он может обидеться.

Галахад долго молчал, вертя пальцами наполовину пустой фужер. Наконец тяжело вздохнул, осмотрелся.

– Вы были правы. Это всего лишь легенда. Сказка. Фантазия. Короче говоря – ложь. Вместо Авалона обычное Болото. И никаких надежд...

– Ну-ну. – Поэт тыркнул его локтем в бок. – Не унывай, сынок. С чего бы вдруг такое уныние в голосе? И ты, и я на свадьбе, веселись, пей, пой. Ты молодой, перед тобой вся жизнь.

– Жизнь, – задумчиво повторил рыцарек. – Как это выходит, сэра Лютик: что-то начинается или что-то кончается, а?

Лютик быстро и внимательно взглянул на него. Потом ответил:

– Не знаю. А уж если я этого не знаю, то не знает никто. Вывод: ничто никогда не кончается и не начинается.

– Не понимаю.

– И не надо.

Галахад снова подумал, наморщив лоб.

– А Грааль? Как с Граалем?

– А что такое Грааль?

– Что-то такое, что все время ищут. – Галахад поднял на поэта мечтательные глаза. – Что-то самое важное. Очень важное. Без чего жизнь теряет смысл. Такое, без чего она неполна, недокончена, несовершенна.

Поэт выпятил губы и глянул на юного рыцаря своим знаменитым взглядом, тем самым, в котором надменность была смешана с веселой доброжелательностью.

– Весь вечер ты сидел рядом с твоим Граалем, парень, – сказал он.

XIV

Около полуночи, когда гостям уже начало вполне хватать своего собственного общества, а Геральт и Йеннифэр, освобожденные от церемониала, могли

наконец спокойно взглянуть друг другу в глаза, дверь с грохотом отворилась и в залу ворвался разбойник Виссинг, широко известный под прозвищем Гоп-Стоп. Росту Гоп-Стоп был около семи футов, борода свисала до пояса, а нос формой и цветом не уступал редиске. На одном плече разбойник держал свою прославленную дубинку, на другом – огромный мешок.

Геральт и Йеннифэр знали Гоп-Стопа еще по стародавним временам. Однако ни он, ни она и не думали его приглашать. Это, несомненно, была идея Лютика.

– Привет, Виссинг, – улыбнулась чародейка. – Очень мило с твоей стороны вспомнить о нас. Угощайся.

Разбойник изысканно поклонился, опираясь на Соломку, то бишь Дубинку.

– Многие лета радости и кучу детишек, – громко возвестил он. – Этого желаю вам, дорогие мои! Сто лет в счастье, да что я говорю, двести, двести, курва, лет! Двести! Ах как же я рад, Геральт, и вы, милсдарыня Йеннифэр. Я всегда верил, что вы окрутитесь, хоша вы завсегда цапались и кусались, как, к примеру, псы дворовые. Ах, курва, да что я болтаю-то!

– Привет, привет, Виссинг, – сказал ведьмак, наливая вина в самый большой кубок, какой только оказался поблизости. – Выпей за наше здоровье. Откуда явился? Говорили, ты сидишь в узилище?

– Вышел. – Гоп-Стоп одним духом выпил, глубоко вздохнул. – Вышел под этот, как так его, курва, залог. А это, дорогие, мой подарочек вам. Получайте.

– Что такое? – проворчал Геральт, глядя на огромный мешок, в котором что-то шевелилось.

– По дороге словил, – сказал Гоп-Стоп. – Надыбал это на клумбе, где стоит голая баба, из камня высеченная, ну, та, которую голуби обделали...

– Так в мешке-то что?

– А этакой, как бы сказать, дьявол. Я прихватил его для вас в подарок. У вас тут зверинец есть? Нету? Ну, так и сделайте из эво чучелу и повесьте в прихожей,

вот уж будут ваши гости дивиться. Хитрая скотинка, доложу я вам, этот дьявол. Утверждает, что его Шуттенбахом кличут.

Музыканты[4 - Muzykanci. Перевод с польского Е. А. Барзовой и гг. Мурадян.]

Долы

Там, где практически кончался город, за трамвайной петлей, за подземными железнодорожными путями и пестрыми квадратами огородных наделов, протянулось холмистое ухабистое поле, замусоренное, изрытое, ощеренное клыками колючей проволоки, заросшее чертополохом, пыреем, полевицей, осотом и одуванчиком.

Полоса ничейной земли, фронтальная зона между каменной стеной новостроек и дальним, темно-зеленым лесом, казавшимся синим сквозь дымку смога.

Люди называли это место Долами. Но это было не настоящее название.

Эта окраина всегда была пустынна, даже непоседливые детишки лишь изредка забегали сюда, по примеру родителей предпочитая для игр места, скрытые в безопасных железобетонных каньонах. Только временами, да и то у самого края, устраивались тут пьянчужки, их атавистически тянуло к зелени. Больше на Долы не забредал никто.

Не считая кошек.

Кошек было полно по всей округе, но Долы были их царством, неоспоримым доменом и убежищем. Оседлые псы, регулярно облаивавшие кошек по приказу своих хозяев, останавливались на границе пустыря и тут же удирали, поскуливая и поджимая хвосты. Они покорно принимали жестокие побои за трусость – Долы были для них страшнее боли.

Людям тоже на Долах было как-то не по себе. Днем. Ибо ночью на Долы не забредал никто.

Не считая кошек.

Таящиеся и осторожные днем, ночью кошки кружили по Долам мягким крадущимся шагом, совершали необходимую коррекцию численности местных крыс и мышей, будили жителей приграничных домов пронзительным мявом, возвещавшим любовь или кровавую драку. Ночью кошки чувствовали себя на Долах безопасно. Днем – нет.

Местные жители не любили кошек. Учитывая, что тех созданий, которых они любили и которых держали в своих каменных гнездах, у них было в обычае время от времени зверски истязать, определение «не любили» в отношении кошек обретало соответствующее мрачное звучание. Случалось, кошки размышляли, в чем кроется причина этого состояния. Взгляды разнились – большинство кошек полагало, что виной всему те мелкие, на первый взгляд незначительные мелочи, те, что медленно, но верно приканчивали людей и вели их к помешательству – острые смертоносные иголки асбеста – их люди носили в своих легких, – убийственная радиация, исходящая от бетонных стен их, губительный кислый воздух, неизменно висящий над городом. Что ж удивительного, говорили кошки, если кто-то, балансирующий на краю гибели, отравленный, разъедаемый ядами и болезнями, ненавидит витальность, ловкость и силу? Если кто-то, издерганный, не знающий покоя, яростью и бешенством реагирует на теплый, пушистый, мурлычущий покой других? Нет, не было в этом ничего, чему следовало удивляться.

Следовало держаться настороже, убегать со всех ног, во всю прыть, едва завидев двуногий силуэт – большой или маленький. Следовало остерегаться пинка, палки, камня, собачьих клыков, автомобильных колес. Следовало вовремя распознать жестокость, скрытую за цедимым сквозь сжатые зубы «кис-кис». И только.

Были, однако, среди кошек и такие, кто полагал, что причина ненависти – в чем-то другом. Что лежит она в Давних Временах.

Давние Времена. Кошки знали о Давних Временах. Образы Давних Времен являлись на Долаы ночами.

Ибо Долаы не были обычным местом. Ясными лунными ночами кошкам виделись образы, доступные только их кошачьему зрению. Туманные, мерцающие образы.

Хороводы длинноволосых девушек вокруг странных сооружений из камня, безумные завывания и подскоки близ изувеченных тел, свисающих с деревянных опор, ряды людей в капюшонах с факелами в руках, пылающие дома с башнями, увенчанными крестами, и такие же кресты, только перевернутые, воткнутые в черную, пульсирующую землю. Костры, колья и виселицы. И черный человек, выкрикивающий слова. Слова, которые были – кошки знали – истинным именем места, называемого Долами.

Locus terribilis.

В такие ночи кошкам бывало страшно. Кошки чувствовали, как дрожит Завеса. Тогда они припадали к земле, впивались в нее когтями, открывали безгласно усаые пасти. Ждали.

И тогда раздавалась музыка. Музыка, заглушающая непокой, утишающая страх, несущая блаженство, возвещающая безопасность.

Ибо, кроме кошек, на Долах жили Музыканты.

Вееал

День начался как и все другие дни – холодный рассвет разогрелся и разленился теплым осенним предполуднем, озарился в зените сполохами бабьего лета, разъяснислся, потускнел и начал умирать.

Это случилось совсем неожиданно, внезапно, без предупреждения. Вееал разодрал воздух, вихрем пронесся по сорной траве, умножился эхом, отразившимся от каменных стен многоквартирных домов. Ужас вздыбил полосатую и пеструю шерсть, прижал уши, оскалил клыки.

Вееал!

Мучение и смерть!

Убийство!

Вееал!

Завеса! Завеса лопнула!

Музыка.

Успокоение.

Сирены машин нахлынули на огороды только потом. Только потом появились обезумевшие, снующие люди в белых и голубых одеждах. Кошки смотрели из укрытия, спокойные, равнодушные. Это уже их не касалось.

Люди бегали, кричали, ругались. Люди уносили изуродованные тела убитых, и сквозь белые простыни сочилась кровь. Люди в голубых одеждах отталкивали от проволочного ограждения других, тех, что подбегали со стороны жилого квартала. Кошки смотрели.

Один из людей в голубых одеждах выскочил на открытое пространство. Его вырвало. Кто-то закричал, закричал страшно. Яростно захлопали дверцы машин, потом снова взвыли сирены.

Кошки тихо мурлыкали. Кошки слушали музыку. Все это их уже не касалось.

Бородавчатый

Захваченный в сети тонов, соединяющих и склеивающих разорванную Завесу тончайшей пряжей музыки, Бородавчатый отступал, разбрызгивая вокруг себя капельки крови, стекающей с когтей и клыков. Отступал, исчезал, пойманный клейким вяжущим веществом; в последний раз, уже из-за Завесы,дохнул он на Музыкантов ненавистью, злобой и угрозой.

Завеса срослась, затянулся последний след разрыва.

Музыканты

Музыканты сидели у покореженной, черной от копоти печки, врытой в землю.

– Удалось, – сказал Керстен. – На этот раз удалось.

– Да, – подтвердил Итка. – Но в следующий раз... Не знаю.

– Будет следующий раз, – прошептал Пасибурдук, – Итка? Будет следующий раз?

– Вне всяких сомнений, – проговорил Итка. – Ты их не знаешь?

Не догадываешься, о чем они сейчас думают?

– Нет, – сказал Пасибурдук. – Не догадываюсь.

– А я догадываюсь, – проворчал Керстен. – Еще как догадываюсь, потому что знаю их. Они думают о мщении. Поэтому мы должны ее отыскать.

– Должны, – сказал Итка. – Должны ее наконец отыскать. Только она может их удержать. У нее есть с ними контакт. А когда она уже будет с нами, мы отсюда уйдем. В Бремен. К другим. Так, как велит Закон. Мы должны идти в Бремен.

Голубая комната

Голубая комната жила собственной жизнью. Дышала запахом озона и разогретого пластика, металла, эфира. Пульсировала кровью электричества, жужжащего в изолированных проводах, в маслянисто лоснящихся выключателях, клавишах и штепселях. Мигала стеклянным мерцанием экранов, множеством злых, красных детекторных глазков. Похвалялась величию хрома и никеля, важностью черного, достоинством белого. Жила.

Покоряла. Господствовала.

Деббе шевельнулась в путах ремней, распластавших ее на покрытом простыней и клеенкой столе. Ей не было больно – иглы, вбитые в череп, и зубастые бляшки, пристегнутые к ушам, уже не причиняли боли, только давил плетеный венец проводов – все это уродовало, позорно стесняло, но уже не причиняло страданий. Тусклым, остановившимся взглядом Деббе смотрела на герань,

стоящую на подоконнике. Герань была в этой комнате единственной вещью, живущей собственной, независимой жизнью.

Не считая Изы.

Иза, склонившаяся над столом, писала быстро, мелким бисерным почерком покрывая страницы тетради, время от времени постукивая пальцами по клавиатуре компьютера. Деббе вслушивалась в биение Комнаты.

– Ну, маленькая, – сказала Иза, поворачиваясь. – Начинаем. Спокойно.

Щелкнул выключатель, загудели моторы, завибрировали огромные катушки, стрельнули глазами кроваво-красные огоньки. Через круглые, в клеточку, окна экранов побежали вприпрыжку светящиеся мыши. Самописцы задрожали, раскачиваясь, как тонкие паучьи лапки, и поползли по бумажным лентам зубчатые линии.

Деббе

Иза грызла ручку, всматриваясь в ряды цифр, пугающе ровно выскакивающих на экране монитора, в графики, в прямоугольные диаграммы. Бормотала себе под нос, долго писала в тетради. Курила. Просматривала распечатки. Наконец щелкнул выключатель.

видела герань. Ощущала сухость в носу, холодящий жар, спускающийся от лба к глазам. Онемение, онемение во всем теле.

Иза просматривала распечатки. Некоторые комкала и швыряла в переполненную корзину, другие, помеченные быстрым росчерком, подкалывала и складывала в ровную стопку.

Комната жила.

– Еще раз, – сказала Иза. – Еще раз, маленькая.

Деббе

Голубой экран выколдовывал прямые и ломанные линии, аккуратными слоями громоздил колонки циферек. Самописец, плавно и спокойно колыхаясь, чертил на бумажной ленте фантастический горизонт.

Это мы. Ты должна

она удивилась, услышав этот голос. Никогда прежде она не слышала этого голоса, голоса громче, чем голос Комнаты, громче, чем пекущий жар, булькающий в ее мозгу. Иглы, которыми щетинилась ее голова, завибрировали.

Музыка! Музыка! Музыка!

Красная линия на экране подскочила вверх, самописец дернулся и нарисовал в прерванной линии три или четыре мощные зазубрины.

должна с нами в Бремен.

– Что такое, холера, – прошептала Иза, вперясь в экран. Забыв о тлеющей в пепельнице сигарете, закурила другую. Она втыкала выключатели один за другим, пытаясь совладать с обезумевшими экранами.

– Ничего не понимаю. Что происходит, маленькая?

Наконец она сделала то, что следовало. Выключила ток.

– Нееет, – протяжно сказала Деббе. – Не хочу, светловолосая. Не хочууууу!

Иза встала, погладила ее по голове и по хребту. Все линии на экране поползли вверх, а самописец дико заметался. Иза этого не видела.

– Бедная киска, – сказала она, глядя шелковистую шерстку Деббе. – Бедная киска. Если б ты только знала, как мне тебя жалко. Но ты послужишь науке, кисонька. послужишь познанию.

За плечами Изы курсор компьютера засеменил вправо, выписав ровными маленькими угловатыми буквами «Incorrect statement», и погас. Совсем.

Самописец остановился на бумажной ленте. Светящаяся мышка на круглом, в клеточку, экране пискнула последний раз и замерла.

Иза, ощутив внезапную слабость, от которой потемнело в глазах, тяжело опустилась на белый трехногий столик.

Музыка, подумала она, откуда эта...

Деббе мурлыкала проникновенно, свободно и легко, плавно и естественно подлаживаясь к гармонии набегающих отовсюду тонов. Она открывала в них себя, свое место, свое предназначение. Она чувствовала, что без нее эта музыка – неполная, увечная. Голоса, сопровождавшие аккорды, подтверждали это. Это ты, говорили они, это ты. Поверь в себя. Это именно ты. Поверь.

Деббе верила.

Мы, говорили голоса, это ты. Слушай нас. Слушай нашу музыку. Твою музыку. Слышишь?

Деббе слышала.

Мы ждем тебя, говорили голоса. Мы покажем тебе путь к нам. А когда ты уже будешь с нами, мы отправимся все вместе в Бремен. К другим Музыкантам. Но сначала ты должна дать им шанс. Только ты можешь это сделать. Можешь дать им шанс. Послушай. Мы расскажем тебе, что сделать, чтобы их удержать. Слушай.

Деббе слушала.

Ты сделаешь это?

Да, сказала Деббе. Сделаю.

Музыка ответила каскадом звуков.

Иза безжизненным взглядом смотрела на герань.

Смотри на меня, светловолосая, сказала Деббе. Черная буква «М» на челе кошки, знак избранницы, метка Паука-преследователя, засияла и засверкала металлическим павлиньим блеском.

Смотри мне в глаза.

Нейман

– Двое, – сказала санитарка. – Их двое. Сидят в ординаторской. Рецка сварила им кофе. Но они сказали, что им срочно.

– Что могло понадобиться от меня милиции? – Иза затушила недокуренную сигарету в жестяной шаткой тарелке коридорной пепельницы. – Они не говорили?

– Ничего не говорили. – Санитарка наморщила пухлое личико. – Вы же знаете, пани доктор. Они никогда ничего не говорят.

– Откуда мне знать?

– Идите, пани. Они говорят, что им срочно.

– Иду.

Их действительно было двое. Интересный блондин, косая сажень в плечах, в фирмовой куртке, и брюнетик в темном свитере.

При виде входящей Изы оба встали. Она удивилась – жест был не повседневный даже для обычных мужчин и уж совсем неправдоподобный для милиционеров. Полицейских, мысленно поправила она себя и тут же устыдилась – устыдилась стереотипа, которому неосознанно поддалась.

– Пани доктор Пшеменца, – констатировал блондин.

– Да.

– Изабелла Пшеменцка?

– Да. Садитесь, пожалуйста. Слушаю вас.

– А не, – усмехнулся блондин. – Это я слушаю.

– Я не совсем понимаю вас, пан...

– Комиссар. Это эквивалент прежнего поручика.

– Я имела в виду фамилию, не чин.

– Нейман. Анджей Нейман. А это – стажер Здыб. Прошу прощения, пани доктор. Я считал представление излишним, поскольку вы ведь со мной знакомы. Вы звонили мне по телефону. Называли мою фамилию. И чин, как вы остроумно выразились.

– Я? – еще больше удивилась Иза. – Я звонила вам по телефону? Прошу прощения, я с самого начала предполагала, что это какая-то ошибка. А теперь я уверена, что так и есть. Я никогда не звонила в милицию. Никогда. Вы меня с кем-то перепутали.

– Пани Иза, – внушительно сказал Нейман. – Очень прошу вас не усложнять мне задачу. Я занимаюсь делом об убийстве, совершенном на огородных участках имени Розы Люксембург, ныне – генерала Андерса. Вы, вероятно, слышали: трое несовершеннолетних, зарезанных при помощи серпа, косы, багра или же подобного орудия. Вы слышали? Это недалеко отсюда, в предместье.

– Слышала. Но какое это имеет отношение ко мне?

– Вы не знаете? Вы занимаетесь одной из жертв этого происшествия. Косвенной жертвой, так мы это называем. Эльжбета Грубер, девяти лет. Эта девочка, которая видела весь ход происшествия, весь процесс преступления. Она лежит в этой больнице. Я слышал, что вы ею занимаетесь.

– А, та девочка в коме... Нет, панове, это не моя пациентка. Доктор Абрамик...

– Доктор Абрамик, с которым я уже беседовал, утверждает, что вы очень интересуетесь этим случаем. Эта Грубер – она ваша родственница?

– Еще раз повторяю... Никакая она мне не родственница, я не знаю ее. Не знала даже ее фамилии...

– Пани Иза. Хватит. Толек, позволь.

Брюнетик потянулся к дипломату и вытащил маленький плоский магнитофон «Нэшнл панасоник».

– У нас, – сказал Нейман, – записываются разговоры. Ваш разговор со мной оказался записан. К сожалению, не с начала...

Против воли комиссар покраснел. Начало разговора не записалось по самым прозаическим причинам – в магнитофоне в тот момент стояла кассета с «But Seriously» Фила Колинза, переписанная с компакт-диска. Брюнетик нажал на клавишу.

– ...перебивай, Нейман, – проговорил голос Изы. – Какое тебе дело до того, кто говорит? Важнее, что говорит. А говорит вот что: нельзя тебе делать то, что задумал. Понимаешь? Нельзя. Чего ты хочешь добиться? Хочешь узнать, кто убил мальчишек на огородных участках? Могу тебе сказать, если хочешь.

– Да, – сказал голос комиссара. – Хочу. Прошу вас сказать мне, кто это сделал.

– Это сделал тот, кто прошел сквозь Завесу. Когда пронесся Вееал, Завеса лопнула, и он прошел. Когда Завеса лопается, те, что находятся поблизости, гибнут.

– Не понимаю.

– И не должен, – резко сказал голос Изы. – Вовсе и не должен понимать. Тебе следует просто принять к сведению, что я знаю, что ты намерен учинить. И еще я знаю, что этого делать нельзя. И просто делюсь с тобой этим знанием. Если ты меня не слушаешь, последствия будут ужасными.

– Минуточку, – отозвался голос Неймана. – Вы собирались мне сказать, кто...

– Уже сказала, – перебил голос Изы.

– Повторите, пожалуйста.

– А зачем тебе это? Думаешь, ты можешь что-то сделать тому, из-за Завесы? Глубоко заблуждаешься. Он вне твоей досягаемости. Но ты... Ты – в его досягаемости. Берегись.

– Вы мне угрожаете. – Это было утверждение, не вопрос.

– Да, – сказал бесстрастный голос Изы. – Угрожаю. Но это не я тебе угрожаю. Не я. Я не сумею объяснить тебе многих вещей, многих фактов, не смогу найти правильные слова. Но одно я могу... могу тебя остеречь. Не слишком ли много было уже жертв? Эти мальчишки, Эльжбета Грубер. Не делай того, что планируешь, Нейман. Не делай.

– Послушайте, пожалуйста...

– Довольно. Запомни. Нельзя тебе.

Хлопнула трубка.

– Вы мне, возможно, не поверите... – начала Иза.

– Разве мы уже не на ты? – перебил Нейман. – Жаль. Это было мило и непосредственно. Чему не поверю? Что это были не вы? Действительно, трудно было бы поверить. А теперь, пожалуйста, я слушаю. Что я планирую? Почему мне нельзя это делать?

– Не знаю. Это не я... Это был не мой голос.

– Кем вам приходится маленькая Грубер?

– Не знаю... Никем... Я...

– Кто убил детишек на огородах? – Нейман говорил тихо, не повышая голоса, но желваки на его скулах подергивались выразительно и ритмично. – Кто это был? Почему он вне моей досягаемости? Потому что он ненормальный, правда? Если я его схвачу, он отправится не в каталажку, а в больницу, такую, как эта? А может, как раз в эту? А может, он уже тут был? Что? Пани доктор?

– Не знаю! – Иза вскинула руки в невольном жесте. – Не знаю, говорю вам! Это не я звонила! Не я!

Нейман и стажер Здыб молчали.

– Я знаю, о чем вы думаете, – спокойно сказала Иза.

– Сомневаюсь.

– Вы думаете... Что, как в том анекдоте... что мы тем отличаемся от пациентов, что уходим на ночь домой...

– Bravo, – сказал Нейман без улыбки. – А теперь я слушаю.

– Я... ничего не знаю. Я не звонила...

– Пани доктор, – проговорил Нейман спокойно и ласково, словно обращаясь к ребенку. – Я знаю, что магнитофонная запись – слабое доказательство. Что вы можете все отрицать. Вы можете, как это сейчас принято, обвинить нас даже в манипуляции и фабрикация доказательств, в чем вам угодно. Но если вы и правда уходите на ночь домой заслуженно, а не только благодаря чьей-то ошибке в диагнозе, то вы представляете, какие будут последствия, когда дело раскроется. А дело раскроется прекрасно. Должно раскрыться, потому что так сложилось, что у убитых мальчишек высокопоставленные родители, и никакая сила не остановит следствие, только наоборот. Вы знаете, что тогда случится.

– Не понимаю, о чем вы.

– Это я вам расскажу. Вы думаете, что если маньяк с огородов приходится вам родственником или кем-то близким, то вы не будете нести уголовную ответственность за его сокрытие. Возможно. Но, кроме уголовной

ответственности, есть еще другая ответственность. Если окажется, что вы прикрывали маньяка-убийцу, то ни в этой больнице, ни в какой другой больнице этого направления во всем мире вам уже не работать. Спасти вас может только здравый смысл. Жду, когда пани его проявит.

– Пан... Повторяю, что я не знаю, в чем тут дело, – опустила голову Иза. – Это был не мой голос, слышите? Похожий, но не мой. Это был не мой стиль речи. Я так не говорю. Можете спросить кого вам угодно.

– Спрашивал, – сказал Нейман. – Множество людей вас узнали. Кроме того, я знаю, с какого аппарата звонили. Подумайте серьезно, пани Иза. Пожалуйста, перестаньте руководствоваться эмоциями. Мы имеем дело с убийством, со зверским убийством, убийством людей. Людей, понимаете? Вы понимаете, что этого нельзя оправдать ничем, и уж тем более заботой о благе животных. Это преступление – типичное проявление реакции параноика, маньяка. Отомстил за кота, убил детишек, которые его мучили. А завтра он прикончит кого-нибудь, кто бьет собаку. Послезавтра порешит вас, когда вы раздавите жужелицу на тротуаре.

– О чем вы говорите?

– Я утверждаю, что вы прекрасно знаете, о чем я говорю. Потому что вам известно, кто это сделал и почему он это сделал. Потому что вы его лечили или же будете лечить и знаете, в чем состоит, я извиняюсь, задвиг вашего пациента. Это кто-то, прошу прощения, задвинутый на пункте хорошего отношения к животным.

– Пан Нейман, – сказала Иза, ее трясло, она уже не могла справиться с дрожью в руках и тяжестью в груди. – Сами вы задвинутый. Прошу прощения. Арестуйте меня. Или оставьте меня в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Сноски

1

Droga Bez Powrotu. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

2

Cos Siј Konczy, Cos Siј Zaczyna. Перевод с польского Е. П. Вайсброта.

3

Лютик, конечно, напутал. Schwemmland (нем.) вовсе не «болото», а «наносная земля, наносный грунт». – Примеч. пер.

4

Muzykanci. Перевод с польского Е. А. Барзовой и гг. Мурадян.

Купить: <https://tellnovel.com/andzhey-sapkovskiy/doroga-bez-vozvrata>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)